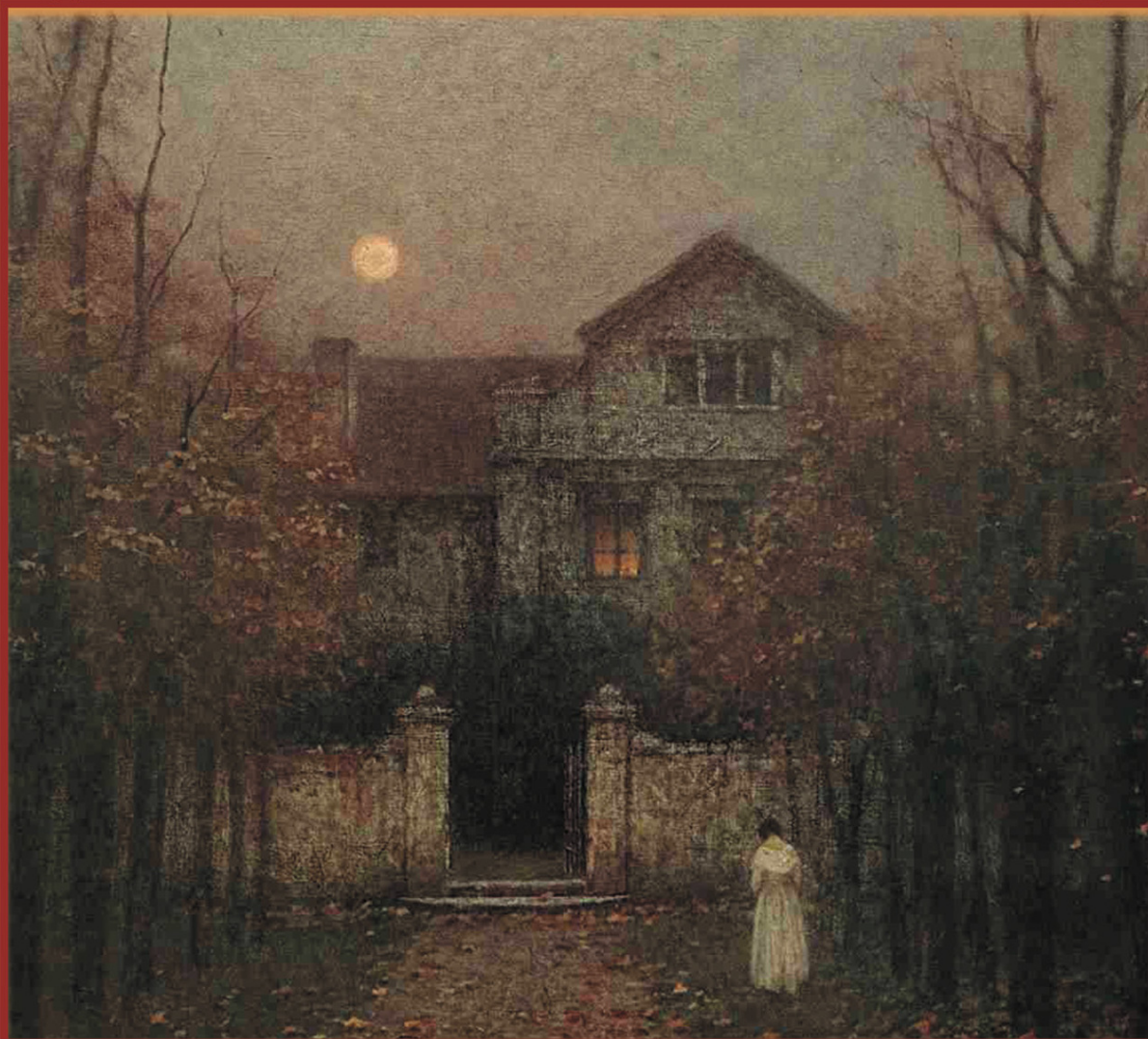

КОЛИН
МАККАЛОУ

Неприкрытая жестокость

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Кармайн Дельмонико

Колин Маккалоу

Неприкрытая жестокость

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111
ББК 84 (8Авс)

Маккалоу К.

Неприкрытая жестокость / К. Маккалоу — «Издательство АСТ»,
2010 — (Кармайн Дельмонико)

ISBN 978-5-17-076463-1

1968 год. Жители маленького университетского городка в ужасе. Садист-насильник по прозвищу Додо снова и снова выходит на улицы, чтобы поиздеваться над очередной жертвой. С каждым разом он становится все более жестоким и однажды решается на убийство. Капитан Дельмонико отмечает закономерность: Додо нападает на женщин только раз в три недели. Но что им движет? И почему маньяк нарушил свой «график» лишь раз – когда городок потрясло другое загадочное преступление?..

УДК 821.111
ББК 84 (8Авс)

ISBN 978-5-17-076463-1

© Маккалоу К., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	51
-----------------------------------	----

Колин Маккалоу

Неприкрытая жестокость

Серия «Зарубежная классика»

Colleen McCullough
NAKED CRUELTY

Перевод с английского И.Л. Чусовитиной

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management и Synopsis.

© Colleen McCullough, 2010
© Перевод. И.Л. Чусовитина, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

1968

Со вторника, 24 сентября, по понедельник, 14 октября

Вышагивая вдоль Персимон-стрит, в Кэрю – одном из самых спокойных районов города Холломена, штат Коннектикут, – Didus ineptus позволил себе легкую усмешку. Однако когда он подошел к окончательной цели своего маршрута – двухквартирному дому, от веселья не осталось и следа. В этот вторник, 24 сентября 1968 года от Рождества Христова, около пяти часов дня солнце по-прежнему сияло, а улицы были сравнительно пустынные. Еще полчаса – и поток студентов и выпускников известнейшего Университета Чабба наводнит тротуары; молодые люди выплеснутся из классов и лабораторий Сайнс-Хилл, а обочины дорог заполнятся «жуками-фольксвагенами» и другими старыми автомобилями, чьи владельцы живут слишком далеко от парковок.

Никто не обратил внимания, как он свернул с тротуара и уверенно направился вдоль торца выбранного дома к заднему входу, как всегда открытому. Скользнув внутрь, он остановился у двери на первый этаж и прислушался. Оттуда раздавались вопли ребенка и раздраженный голос матери – беспокоиться не о чем. Он тихо поднялся вверх по обитым резиновым покрытием ступенькам на крошечную лестничную площадку, которой Мэгги никогда не пользовалась, – она входила через переднюю дверь, всегда. Конечно, Мэгги делила второй этаж с другой девушкой, но Кэрол сейчас на семинаре в Чикаго и вернуться должна только дня через четыре, не раньше.

У двери в ход пошли отмычки. Уверенные движения рук – и через минуту он вошел внутрь. Теперь он мог снять рюкзак – какое облегчение; из-за дополнительного снаряжения, которое он вообще-то не планировал использовать, тот был довольно тяжел. Сначала он изучил обстановку каждой комнаты, дабы удостовериться, что ничего не изменилось; особое внимание уделил расположению вещей возле входной двери. Мэгги войдет, положит свой дипломат здесь же на рабочий стол, а потом направится в ванную, пописать и ополоснуться. Его женщины всегда терпели до дома, брезгуя воспользоваться общественным туалетом. Как он и решил во время своих предыдущих визитов, лучше всего будет спрятаться здесь, за высоким креслом с подголовником, которое привезено в Холломен Мэгги или Кэрол – такими вещами домовладельцы не обставляют сдаваемые внаем квартиры. Что такого важного было в этом кресле для хозяйки, что она тащила его за собой тысячу миль?

Решив сделать первый ход в своей сладостной игре, Didus ineptus понес свой рюкзак в спальню Мэгги. Выдержанная в немного необычной цветовой гамме – он не любил экстравагантных женщин, – спальня радовала чистотой и порядком: двуспальная кровать заправлена так же идеально, как койка новобранца, на туалетном столике все аккуратно расставлено, двери встроенного шкафа плотно закрыты, а ящики тумбочки задвинуты. О, как же она опрятна!

Возле стены стоял комод с абсолютно не заставленной поверхностью – он идеально подходил для его целей. Гость быстро разложил свои инструменты в определенном порядке, отрезал пятнадцатисантиметровую полоску синей изоленты, а затем еще отхватил около метра толстой бечевки. Все готово. Он прошел в гостиную, где висело большое зеркало, привел себя в порядок и наконец расположился за креслом.

Ее ключ завозился в замке точно в определенное время – разница всегда составляла не больше трех минут до или после шести часов. У нее был удачный день. Он мог с уверенностью сказать это, потому что не слышал ее на лестнице; в плохие дни Мэгги тащилась вверх, глухо стуча каблуками по ступенькам. Она вошла, держа дипломат в левой руке, и пересекла комнату, чтобы положить его на стол, намереваясь еще поработать вечером. Затем молодая женщина направилась в ванную...

Изолента, до этого слегка приклеенная к задней выпуклой части спинки кресла, закрыла ей рот прежде, чем у Мэгги возникла мысль закричать. В ту же секунду одним движением он завел ей руки за спину и до того сильно стянул их бечевкой, что лицо девушки исказила гримаса боли. Теперь она была беспомощна!

Только сейчас он развернул ее, и только сейчас Мэгги увидела мужчину, который расправился с ней так быстро, что у нее не было ни единого шанса к сопротивлению. Он был полностью обнажен: высокий, стройное тело без единого волоска и набухший возбужденный член. В глазах женщины билось отчаяние. В течение всего лишь минуты он полностью подчинил ее, и она чувствовала себя совершенно беспомощной. Он заставил Мэгги пойти в ванную, спустил с нее трусы и усадил на унитаз. Мочевой пузырь словно прорвало; она позволила накопившейся моче покинуть тело, пронзенная ужасающей мыслью: мужчина знал, что ей нужно в туалет!

Сдернув ее с унитаза, он заставил женщину пойти в спальню, с силой лупя по ягодицам, пихнул на кровать, срезал одежду жуткими портновскими ножницами, надел на ноги белые хлопковые носки и зафиксировал их клейкой лентой на щиколотках. Затем, перевернув Мэгги на живот, мужчина сел на край кровати и под корень обстриг ей ногти на руках специальными кусачками, не обращая внимания на кровь, выступившую там, где он обрезал слишком коротко. Краем глаза она видела, как его руки собирают обрезанные кусочки ногтей и складывают их в маленький полиэтиленовый пакет, и еще заметила, что на нем тончайшие хирургические перчатки.

Didus ineptus снова перевернул ее. Преодолевая страх, Мэгги всмотрелась в его лицо, скрытое под черным шелковым капюшоном, который был надежно завязан на шее, – она даже не смогла бы сказать, какого цвета у него волосы. Расположившись между ног брыкающейся женщины, он щипал и тискал ее грудь, живот, бедра. Она продолжала сопротивляться, но силы быстро иссякли.

Вдруг у нее на шее затянулась какая-то веревка; мир вокруг поплыл, в глазах потемнело, а тело пронзила сильная боль – его член грубо проник во влагалище. Он обращался с веревкой как с неким музыкальным инструментом: перекрывал дыхание, потом ослаблял, чтобы Мэгги могла сделать один, два или несколько судорожных вдохов, затем снова затягивал эту удавку, и тогда женщина погружалась во тьму. Она не знала, кончил ли он, но только через некоторое время, показавшееся ей вечностью, мужчина оставил ее. Но не ушел. Мэгги слышала, как он перемещался по кухне, открыл дверь холодильника, потом звуки шагов донеслись из гостиной. Он вернулся с книгой, сел в ее кресло и стал читать – если только действительно мог что-то увидеть через пару узких щелочек в капюшоне. И хотя глаза опухли от слез, она смогла

рассмотреть время на будильнике – 18:40. Десять минут, чтобы полностью ее подчинить, и около тридцати на изнасилование и удушение.

В семь часов он изнасиловал ее во второй раз. Боль! Боль!

В восемь настал черед третьего раза, в девять – четвертого.

Тут она начала впадать в беспамятство – веревка на шее делала свое дело все быстрее. Он убьет ее! О Боже, пусть это случится быстро! И поскорее!

Между изнасилованиями он садился в ее кресло и читал книгу – ее книгу, так как на корешке карандашом были нанесены ее инициалы. Он казался ей более голым, чем все виденные ранее мужчины, из-за гладкой кожи и отсутствия волос на теле. И ни шрама, ни родинки, ни прыщика – нигде. «О, Кэрол, зачем ты уехала на этот семинар? Он знал, он все знал! И нет ничего, чего бы он обо мне не знал».

В десять часов он подошел к кровати с новыми намерениями, и Мэгги, закрыв глаза, приготовилась к смерти. Но он перевернул ее на живот и изнасиловал в задний проход. Невыносимое мучение все продолжалось и продолжалось, но на сей раз насильник не воспользовался веревкой, и сознание отказалось покидать тело.

В одиннадцать он изнасиловал ее так во второй раз, но, как ей подумалось, уже с помощью кулака: она чувствовала, как рвутся внутри ткани, и испытывала неимоверную боль. Как она сможет жить дальше, если он не убьет ее?

Наконец все закончилось, он перевернул ее на спину.

– Пожалуйста, убей меня, – невнятно стонала она. – Пожалуйста, не надо больше, пожалуйста, пожалуйста!

Он поднял что-то с кровати и поднес к ней, чтобы она смогла увидеть. Перед ее глазами была аккуратно напечатанная записка.

СКАЖЕШЬ КОМУ-НИБУДЬ – УМРЕШЬ.
Я – DIDUSINEPTUS

Записка исчезла. Мэгги лежала и слушала, как он уходит, несмотря на то что по Персимон-стрит в этот поздний вечер еще гуляли люди. Было 23:40.

Она подождала еще минут пять, потом слезла с кровати и заставила себя доковылять до входной двери, там повернулась к ней спиной и с трудом открыла единственный замок, слегка разведя кисти связанных рук. Сделав это, она упала на колени и поползла на кухню, где имелось вытяжное отверстие от ее газовой печи, объединявшееся с вытяжкой из кухни первого этажа. Передохнув, Мэгги встала на ноги, ухватила связанными руками топорик для рубки мяса, привстала на цыпочки и стала бить им по вытяжке.

Когда Боб Симпсон с первого этажа обнаружил, что дверь соседки открыта и зашел внутрь квартиры, она все еще стучала по вытяжке, но уже большой деревянной колотушкой – вся побитая, связанная, с заклеенным ртом и абсолютно голая. Записка с угрозой на миг вспыхнула у нее перед глазами, когда Боб стал звонить в полицию, но Мэгги Драммонд было все равно. Она хотела, чтобы Didus ineptus поймали, да... Но еще больше она хотела другого: она хотела, чтобы он был мертв, какдодо.

Капитан Кармайн Дельмонико увидел ее в отделении Скорой хирургической помощи клиники Университета Чабба.

– Ее били, душили и изнасиловали шесть раз: четыре раза вагинально, а два – анально, – сказал ему старший ординатор. – Без участия посторонних предметов, за исключением, как мы думаем, кулака во время последнего анального акта, так как внутренние ткани сильно порвались, и теперь необходимо хирургическое вмешательство. Это очень плохо, капитан, но, принимая все во внимание, она проявляет выдающуюся выдержку.

– Могу я ее увидеть? Хотя из ваших слов выходит, что не стоит...

– Вам придется увидеть ее, иначе она не даст нам покоя. Она каждые две минуты спрашивает, не пришел ли полицейский.

Лицо молодой женщины еще было опухшим от слез, а багровая полоса на шее поведала Кармайну, что насильник использовал тонкую гладкую веревку, чтобы добиться асфиксии; но либо она уже пережила эту самую страшную из мук, либо в отличие от большинства женщин имела более жесткий стержень. Капитан обратил внимание на ясные серые глаза и лицо, которое при нормальных обстоятельствах большинство мужчин сочли бы привлекательным.

– Нет смысла спрашивать, как вы, мисс Драммонд, – сказал он, усаживаясь, и его крупное мускулистое тело стало казаться меньше. – Вы чрезвычайно смелы.

– Сейчас я не чувствую себя смелой, – ответила она, взяв стакан с водой. Сделав глоток через соломинку, она продолжила: – Тогда я... я оцепенела. Я действительно думала, что он собирается меня убить.

– Что такого важного вы хотели рассказать, что извели весь медперсонал своими требованиями пообщаться с полицией?

– Я должна все рассказать, пока события еще свежи в моей памяти, капитан. Вережка вокруг шеи заставляла меня так часто терять сознание, и я боюсь, что асфиксия может иметь латентный эффект – вплоть до аноксии головного мозга, вы же знаете.

Кармайн выгнул бровь:

– Говорите как медик?

– Нет, но я – физиолог, хоть и специализируюсь на птицах. Еще и поэтому я хотела поговорить с вами сегодня. Понимаете, он назвался *Didus ineptus*.

– Что это?

– Старое латинское название додо¹, – пояснила Мэгги Драммонд. – На научном языке додо сейчас называется *Raphus cucullatus*. Я предполагаю, что тот монстр, изнасиловавший меня, пытается показать себя более образованным, чем есть на самом деле. Он выкопал это название из очень старой энциклопедии... Я бы сказала, выпущенной еще до Первой мировой войны.

– Поверьте мне, мисс Драммонд, удавка этого монстра не причинила никакого вреда вашим мозгам, – пораженно заметил Кармайн. – Вы сделали настоящее дедуктивное заключение, и довольно весомое. Думаете, из старой энциклопедии?

– Источник в любом случае должен быть старым. Додо называют *Raphus cucullatus* уже довольно давно.

Внимательно изучив лицо Мэгги, которое, что примечательно, стало выглядеть заметно лучше, Кармайн решил задержаться еще на пару вопросов. Какая удивительная женщина!

– *Didus ineptus* или *Raphus cucullatus* – и то и другое довольно странные имена для насильника. Я имею в виду сам выбор птицы додо.

– Согласна, – с готовностью откликнулась Мэгги. – В поисках ответа я систематизировала в уме все свои знания о птицах, но так ничего и не поняла. Додо были именно такими, какими их считали, – они были до безобразия глупы. Все животные склонны доверять человеку при первой встрече, но довольно быстро они выучиваются убегать, прятаться и защищаться – основа выживания видов. Но только не додо! Эти птицы попросту были съедены или истреблены.

– На Маскаренских островах, верно?

– Да.

¹ Додо, или дронты, – семейство нелетающих птиц отряда голубеобразных. Были истреблены к концу XVII века. – *Здесь и далее прием, пер.*

– Значит, он называет себя невероятным глупцом. Но почему он думает, что невероятно глуп?

– Не меня спрашивайте. Я – всего лишь физиолог, специализирующийся на птицах, – сухо ответила она.

– Еще один вопрос: во что он был одет?

– Черный шелковый капюшон на голове, и больше ничего.

– Хотите сказать, он был голым? – В голосе Кармайна слышалось недоверие.

– И не просто голым. Нигде ни единого волоска, даже вокруг гениталий, и совершенно идеальная кожа: никаких родинок, пятен, бородавок, веснушек или шрамов.

– Совсем ничего?

– Я ничего не смогла увидеть. И это каким-то образом делало его вид особенно неприличным. Он насиловал меня четко каждый час, а каждый акт длился полчаса. В промежутках он читал книгу.

– Вы видели название книги?

– Нет, но это – моя книга. На корешке я видела свои инициалы – она была без обложки. Я всегда снимаю обложки.

– Какой у него голос?

– Он не говорил. Даже не прокашлялся ни разу.

– Тогда откуда вы знаете его имя?

– Оно было на записке с предостережением: я не должна никому ничего говорить, иначе он убьет меня. А в конце подпись – Didus ineptus.

– Записка по-прежнему в вашей квартире?

– Сомневаюсь. Для этого он вел себя слишком организованно.

– Скажите, он достиг оргазма? Можете не отвечать, если не хотите.

Мэгги поморщилась.

– Как отвратительно! Я не знаю, капитан. Честно. Он вообще никаких звуков не издавал. Насколько я поняла, здешние врачи не нашли никаких следов спермы. Я... – женщина сильно покраснела, – я безумно хотела в туалет, когда вошла домой. И тут он меня связал, а потом оттащил в ванную, стянул трусы и усадил на унитаз, словно знал, что мне нужно.

– Что-нибудь еще, мисс Драммонд?

– Он был уже у меня дома, когда я вошла, и набросился на меня. Я сопротивлялась, но безрезультатно. Он вымотал меня. А когда набросил на шею веревку, то я вообще не могла бороться. Ужасно!

– Судя по вашему рассказу Додо – будем так его называть – уже некоторое время следил за вами, прежде чем предпринять активные действия. Он знал ваши привычки, даже то, что вам понадобится пойти в туалет.

Кармайн встал.

– Мисс Драммонд, – сказал он, адресуя женщине улыбку, – мои английские коллеги называли бы вас – «молоток». И это высшая похвала из их уст! Попробуйте отдохнуть и не беспокойтесь об аноксии головного мозга. С вашей головой все в порядке, можно только позавидовать столь ясному уму.

Поговорив еще немного с Мэгги – она была полна решимости рассказать ему обо всем, что лишь доказывало наличие у нее хорошей памяти и недюжинного ума, – Кармайн ушел из больницы в скверном настроении. Его согревала только одна мысль: Додо выбрал жертву, которая готова продолжить борьбу и после случившегося. Мэгги Драммонд будет со всем пылом свидетельствовать против него в суде. Но она не может быть первой жертвой Додо – слишком точны и выверены его действия. Сколько их было, чересчур напуганных, чтобы заявить в полицию? И что же это за имя для насильника – Додо! Почему он его выбрал?

– Сколько их уже пострадало? – спросил он на следующее утро своих сержантов, Ника Джефферсона и Делию Карстерс.

– Ответ на этот вопрос в конце концов и стал истинной целью создания «джентльменского патруля», – сказал Ник нахмурившись. – Чья-нибудь подружка отсюда, из Кэрю, слишком напугана, чтобы обратиться в полицию, – вот и возник «джентльменский патруль».

– Мы должны убедить других жертв обратиться в полицию, – вступила Делия. – А для этого лучше всего будет, чтобы как можно меньше мужчин-полицейских участвовали в расследовании. Дайте мне Хелен Макинтош, и я быстренько научу, как ей не сболтнуть своим аристократическим язычком лишнего. Я сегодня отправлюсь на дневную передачу Люка Корби, а завтра – на утреннее шоу Майти Майк. Гарантирую, что к полудню завтрашнего дня я вытащу для вас почти всех жертв из Кэрю. Между этими двумя программами я вполне могу охватить все возрастные группы Холломена.

– О, брось, Дил! – воскликнул Ник. – Возьмешь мадам Макинтош себе в помощники – себе же сделаешь хуже.

– Пусть каждый занимается своим делом, – довольно самоуверенно заявила Делия.

– Побереги силы, Ник, – посоветовал Кармайн. – Сегодня за обедом в «Мальволио» сбор нашей команды, вот тогда настанет и твоя очередь пообщаться со стажером. Хелен ушла из департамента полиции Нью-Йорка восемь месяцев назад и с тех пор живет в Кэрю, в Талисман-тауэрс, а следовательно, знает достаточно и о происходящем в этом районе, и о «джентльменском патруле».

– *Didus ineptus!* Звучит несколько убого, – заметила Делия. – Мы до сих пор говорим: мертв, как додо. Он этого хочет добиться? Желает громкой смерти – быть застреленным во время совершения насилия?

– Пока не поймем ублюдка, не узнаем, – ответил Кармайн.

– Да он смеется нам в лицо, – возмутился Ник. – Типа говорит: поймите меня, если сможете. С трудом верится, что он уже проделывал такое раньше и никто не заявил в полицию.

– Думаю, Мэгги Драммонд досталось больше всех, Ник, – добавил Кармайн. – И это еще одна причина, почему мы должны найти предыдущих жертв. Пока не увидим, как он прогрессировал, ничего о нем не узнаем. Делия, когда у тебя будет свободное время, поговори с доктором Лиз Мейерс из клиники Чабба. Уверен, в ближайшее время работы у нее прибавится.

– Голый насильник! – воскликнула Делия. – Это редкость! Обычно нападающие остаются в одежде, чтобы жертва их не поранила. Человек без одежды так уязвим, а этот парень, похоже, ничего не боится. Он был обут?

– Мисс Драммонд сказала, что нет.

– Его уверенность в себе поражает, – отметила Делия.

– Он прекрасно позаботился о том, чтобы его не поцарапали, – продолжил Кармайн. – Носки на ногах жертвы, обрезанные и собранные ногти. Мисс Драммонд описала его тело: вообще без изъянов, даже веснушек нет. Высокий и отличного телосложения. По ее словам, как у Марлона Брандо.

– И никаких волос, даже вокруг гениталий? – спросил Ник.

– Именно так она и сказала.

– Значит, волосы были выщипаны, – уверенно сделала вывод Делия. – Кожа там слишком нежная для депиляторов, а бритвой сложно добиться хорошего результата.

– Кто в Холломене занимается депиляцией? – спросил Кармайн. – Обязательно пошли бы разговоры. Но я никогда не слышал, чтобы Нетти Марчиано упоминала о посещении зала таким смельчаком.

– Нью-Йорк, – предположила Делия. – Тайное сообщество гомосексуалистов. Они сейчас начинают заявлять о своих наклонностях, но далеко не все. Если Додо делал депиляцию в течение нескольких лет подряд, то теперь отрастает совсем немного. Тогда все, что ему нужно, –

это время от времени выщипывать отдельные волоски. Да и вряд ли кто-то из их мира согласится сотрудничать с полицией.

Лицо Кармайна исказила гримаса отвращения, он даже сплюнул.

– Этот парень не гомосексуалист. Но и не натурал. Он единственный в своем роде. – Капитан кивнул, разрешая всем разойтись. – В первой половине дня каждый работает по утвержденному плану. Только... Ник, не пытайся пока встретиться с кем-либо из «джентльменского патруля». Встречаемся за обедом в «Мальволио», договорились?

Его время этим утром было занято двумя лейтенантами. Эйб Голдберг всеми силами старался передать дело об ограблении в придорожном кафе «Тиннеквей» Бостонскому департаменту полиции и продолжал заниматься серией вооруженных ограблений на заправочных станциях, во время которых были убиты два человека. С этими убийствами все было не до конца ясно. Эйб и два его сержанта – Лиам Коннор и Тони Черутти – работали единой слаженной командой; Кармайн, будучи добросовестным капитаном, немного волновался за них, поскольку они находились непосредственно в его подчинении и временами были слишком безрассудны.

С лейтенантом Кори Маршаллом дело обстояло по-другому. Он и Эйб раньше были сержантами в подразделении Кармайна и пошли на повышение только девять месяцев назад. Эйб легко справлялся с новыми обязанностями, для Кори же они стали непосильной ношей. Морти Джонс достался Кори в наследство от предыдущего лейтенанта, который с самого начала ущемлял его. Базз Дженовезе присоединился, когда умер его сорокалетний напарник; и хотя Базз был отличным парнем, они с Кори не сошлись во взглядах. Нельзя сказать, что Кори ценил Морти больше, просто Морти работал так, словно мог все сделать сам, без посторонней помощи.

– До меня дошли слухи, – сказал Кармайн Кори в кабинете последнего, – что Морти в депрессии и запил.

– Хотел бы я знать, кто стал твоим доносчиком в подразделении, – ответил Кори с непроницаемым лицом. – Мне бы доставило неимоверное удовольствие сказать парню, как он не прав. Мы оба знаем, что Ава Джонс – потаскушка, которая путается со всеми полицейскими Холломена, но она ведет себя так уже в течение пятнадцати лет. Для Морти в этом нет ничего нового.

– Что-то там происходит, Кор, – не согласился Кармайн.

– Вранье! – фыркнул Кори. – Я говорил с Лари Пизано еще до его ухода на пенсию, и он сказал, что у Морти периодически случаются срывы из-за Авы. Сейчас происходит как раз это. Придет время – и он выплывет. Если Морти решает выпить в свое свободное время, это его личное дело. Он не пьет на работе.

– Ты уверен? – продолжал настаивать Кармайн.

– Ради Бога, что ты хочешь от меня услышать? Я уверен!

– Каждый четверг ты, я и Эйб встречаемся утром, чтобы обсудить текущие дела, Кор. Предполагается, что мы за это время анализируем и обсуждаем накопившиеся проблемы. Ты приходишь каждый четверг. С какой целью, Кор? Ради чего? Если я вижу, что Морти спивается, ты тоже должен это видеть. Если нет, то ты плохо выполняешь свою работу.

Сверкнув своими черными глазами, Кори уставился на поверхность стола. Теперь он не поднимал головы и не говорил ни слова.

Кармайн было замолчал, но тут же продолжил:

– Я пытаюсь серьезно поговорить с тобой с тех пор, как ты вернулся из отпуска в конце июля, Кор. Но ты все время уклоняешься от разговора. Почему?

– Давай ты просто скажешь все начистоту, Кармайн. – Кори фыркнул.

– Сказать что? – удивленно спросил Дельмонико.

– Скажи мне в лицо, что я – неровня Эйбу Голдбергу.

– Что?

– Ты меня слышал! Держу пари, что ты не третируешь Эйба так, как меня: мои отчеты малосодержательны, мои люди пьют, табели я сдаю слишком поздно. Я знаю, что ты думаешь об Эйбе и что – обо мне.

Кори весь ссутулился, чуть ли не вжав голову в плечи.

– Я ничего этого не слышал, Кори. – Голос Кармайна был совершенно ровным и спокойным. – Тем не менее надеюсь, что ты обратишь внимание на мои слова. Присматривай за Морти Джонсом – он болен. И наведи порядок в своей части подразделения. Твои отчеты действительно выглядят жалко, а Пейролл ждет табели. Хочешь, чтобы у меня состоялся разговор с комиссаром?

– Почему бы и нет? – с горечью ответил Маршалл. – Он – твой кузен. Один раз отстранит, потом второй... Разве я смогу отработать?

Кармайн поднялся и вышел из кабинета. В голове постоянно крутилось это обвинение: он ценит Эйба больше, чем Кори. Неправда, неправда! У каждого из них свои сильные и слабые стороны. Проблема была в ином: Эйб не перестал отлично исполнять свои обязанности, став лейтенантом, а Кори перестал. Он, Кармайн, никогда не ставил одного выше другого!

Конечно, это слова Морин – жены Маршалла. Она-то и была корнем всех его проблем; из-за нее он пил и с легкостью признавал это. Желчная, завистливая и амбициозная чернокожая женщина, к тому же весьма непреклонная. Она всегда вредила их рабочим отношениям. И если прежде, когда они были в одной команде, все было легко решить, то теперь Кори от него несколько отдалился и нелюбовь Морин к боссу мужа распустилась буйным цветом. И здесь Кармайн ничего не мог поделать.

* * *

По возвращении в офис ему пришлось столкнуться с другими женщинами и решать совершенно иные проблемы, женские.

Комиссар Джон Сильвестри всегда мечтал о стажерской программе как о возможности освежить подразделение молодой кровью. Существовали строгие критерии, по которым допускалось принятие облаченных в мундиры мужчин или женщин в ряды сотрудников сыскной полиции: им должно быть не менее тридцати лет, и они должны отлично сдать экзамены на сержанта. Сильвестри утверждал, что полиция упускает множество преимуществ, которые даруют молодые умы. Изводя Хартфорд своими идеями, он допускал, что детективом может стать как отучившийся два года полицейский, так и стажер, который помимо обязательных занятий еще приобретет полезный опыт работы. Сильвестри третировал Хартфорд в течение двадцати лет, но никто не ожидал увидеть результат его усилий. Случаются же иногда странные вещи...

В их маленьком скромном Холломене не было ни одного человека, который не знал бы о самом его влиятельном горожанине – Моусоне Макинтоше, президенте Университета Чабба. У ММ, как его обычно называли, был подающий большие надежды сын, Мансфилд, который никогда не допускал ошибок. Сейчас он работал в округе Вашингтон в юридической конторе, известной тем, что она выпускала в свет будущих политиков. ММ был убежден, что однажды и Мансфилд тоже станет президентом – только уже президентом США.

К несчастью, дочь ММ – Хелен – оказалась совсем иной. Она унаследовала высокий интеллект и привлекательную внешность, но была упрямой, неуправляемой и немного сумасшедшей. С отличием окончив Гарвард, Хелен оказалась в Академии департамента полиции Нью-Йорка; по окончании академии, где она была лучшей, ее тотчас отправили на пост регулирования движения в район Куинс. Хелен продержалась там два года, после чего ушла, заявив

о половой дискриминации. Работа вне Коннектикута оказалась ошибкой – папино влияние сильно ослабевало за границами штата, ведь ньюйоркцев нельзя считать настоящими янки.

Хелен подала заявление на зачисление в отделение сыскной полиции Холломена, однако ей было вежливо, но довольно твердо отказано. Тогда она обратилась за помощью к отцу, и тут все зашевелились, включая губернатора.

Наконец, после беседы с ММ, с комиссаром Джоном Сильвестри, во время которой последний в красках описал возможную гибель неопытной и молодой Хелен Макинтош в трущобах Холломена, эти двое мужчин быстренько придумали план, благодаря которому двадцатилетняя мечта комиссара обрела реальность: мисс Макинтош стала первым стажером сыскной полиции Холломена. ММ пообещал выбить деньги из Хартфорда и гарантировал, что программа не прекратится и после того, как Хелен ее закончит. Сильвестри же пообещал, что Кармайн Дельмонико и его команда проведут обучение и стажировку по высшему разряду, сколько бы она ни длилась – три месяца или год.

Хелен не была сильно этому рада, но когда отец разъяснил, что единственный способ стать детективом – это побыть стажером, сошла с небес на землю и согласилась.

Сейчас, после трех недель стажировки, в течение которых ей пришлось знакомиться не только с работой детективов, но и криминалистов, патологоанатомов и юристов, Хелен Макинтош потихоньку начала притираться. Не без боли. Ник Джефферсон, единственный чернокожий полицейский Холломена, невзлюбил ее почти также сильно, как и лейтенант Кори Маршалл и его двое подчиненных. Делия Карстерс, которая была племянницей комиссара и к тому же англичанкой, проявила некоторое участие и выступила в роли наставника Хелен, обернувшееся, к негодованию последней, дополнительными обязанностями для нее. Что касается капитана Кармайна Дельмонико, то Хелен не знала, что о нем думать. За исключением одного ужасного факта – он был копией ее отца.

Когда ровно в полдень Кармайн вошел в «Мальволио» на Сидар-стрит, то был рад увидеть в одной из кабинок объект его утренних размышлений. Сейчас ему оставалось только надеяться, что она не потратила первую половину дня на пререкания с судьей Дугласом Уилбером Твайтесом, сущим кошмаром судов Холломена.

Капитан Дельмонико хотел бы, чтобы Хелен Макинтош ему нравилась, но до настоящего времени она не проявила себя как вызывающая симпатию личность. Достаточно вспомнить ее первый день! Она пришла на работу, одетая как Брижит Бардо или любая другая сексуальная кошечка – так ведь называют похожих персон. Ее одежда была настолько неуместна, что Кармайну пришлось детально описать облачение женщины-детектива – от обуви, которая не должна мешать, если случится преследовать преступника, до юбки, длина которой не должна сводить мужчин с ума, вызывая желание рассмотреть цвет нижнего белья. Она подчинилась и с тех пор одевалась соответственно, но не более того. Хелен не видела необходимости проводить больше времени с полицейскими, чтобы разобраться, как функционирует департамент полиции Холломена на всех уровнях, и возмущалась, что ей ограничили доступ к расследованию, – Кармайн запретил это, пока она не будет лучше подготовлена. И хуже всего то, что она раздражала мужчин. Всего три недели, а капитан Дельмонико уже отчаялся.

Сейчас Хелен сосредоточенно что-то писала в своей записной книжке – она называла ее журналом, отказываясь считать дневником.

– Как прошло утро? – спросил Кармайн, садясь напротив нее и кивком приветствуя официантку, которая, улыбнувшись в ответ, принялась наливать ему кофе.

– Трудно, но зато нескучно. Судья – такой интересный. Я знаю его всю свою жизнь, но занятия с ним юриспруденцией стали для меня настоящим открытием.

– И он – ночной кошмар для правонарушителей. Помни это.

Хелен рассмеялась. Смех у нее был приятный: не притворный и довольно мелодичный.

– Пока я не привыкла к нему, все время говорила невпопад, теперь же дела обстоят намного лучше. Как бы мне хотелось, чтобы учителя в полицейской академии были такими же профессионалами.

– О да! Он забыл законов больше, чем они когда-либо знали.

В кафе вошла Делия.

Кармайн приглашающе похлопал по сиденью рядом с собой. «Я всегда думаю, – пришло ему в голову, – что сегодня на ней самый худший наряд, пока не увижу завтрашние». Сегодняшняя кофта была в оранжевую, зеленую, розовую и кислотно-желтую клетку, поверх красовался ярко-алый жилет. Как обычно, юбка заканчивалась намного выше колен, открывая ноги, которым позавидовали бы многие девушки. Ее волосы – спасибо богам, что они были, – украшали бордовые, зеленые и обесцвеченные пряди, а из-под челки, похожей на спутанные черные проводки, сверкали карие глаза. В полицейском управлении всегда дискутировали на тему, где Делия ухитряется находить такую одежду; но даже Нетти Марчиано, которая знала все сплетни, так и не смогла выяснить. Сам Кармайн думал, что на барахолках Нью-Йорка.

В течение всех трех недель Дельмонико ждал, когда же Хелен возмутится внешним видом Делии, но та не сказала ни слова, а только изумленно смотрела на Карстера с самой первой встречи. Похоже, даже такие утонченные личности, как Макинтоши, чувствовали, что одежда и внешность Делии вне критики. Она была настоящим эксцентриком, и, по-видимому, Хелен это поняла. А уж когда Делия открывала рот и раздавался ее сладкозвучный голос с протяжными гласными и обрывистыми согласными, то женщина однозначно признавалась роскошной.

Ник появился минутой позже и был приглашен присесть на той же стороне, что и Делия. Теперь все трое сидели по одну сторону стола, а Хелен, одна, – напротив них.

Голубые глаза засверкали.

– Я на допросе? – Пухлые розовые губы Хелен слегка приоткрылись.

– Ты ведь живешь в Кэрю, в Талисман-тауэрс, верно? – спросил Ник.

– Да. В пентхаусе.

– Так и знал! – Ник выглядел рассерженным. – Единолично в твоём пользовании, да? Собственный лифт и все такое.

– Не собственный. Я пользуюсь теми же двумя лифтами, что и другие жильцы. В лифте есть специальная щель для ключа.

– Ты общаешься там с кем-нибудь? – спросила Делия.

– Я знаю нескольких, но только с одним в дружеских отношениях – с Марком Шугаме-ном. Он живет тремя этажами ниже, на восьмом. Его подруга, Леони Каустейн, живет на деся-том. Она француженка. – Хелен скривилась: – Она всегда была такой отзывчивой и жизнера-достной, но около трех месяцев назад у нее случился нервный срыв. Сейчас даже Марку не удается повидаться с ней. Она, как улитка, спряталась в свою раковину. По словам Марка, хуже всего, что она не хочет никакой помощи. Он очень любит ее, и я раньше думала – они созданы друг для друга. Теперь же... не знаю. Леони больше не любит его, а Марк клянется, что не понимает почему. Извините, – смутилась Хелен. – Это не очень хороший отчет – я отвлекаюсь на пустяки.

– Иногда пустяки – то, что надо, – заметил Кармайн. – Вряд ли Леони разлюбила Марка. Она была изнасилована.

– Изнасилована? – Хелен побледнела.

– Да, несомненно, – ответил Кармайн, еще не готовый рассказать о Додо. – Что ты знаешь о «джентльменском патруле» в Кэрю?

– «Джентльменский патруль»? – удивленно переспросила девушка. – Они прогулива-ются. – Она рассмеялась: – Ходят-бродят по улицам района. Довольно большая группа парней.

– Ты знаешь кого-нибудь из них лично? – спросил Ник.

– Конечно. Некоторых, но не всех. Марк говорит, их больше ста сорока человек. Марк – их руководитель.

– Очень хорошо. Есть имя, – заметил Кармайн. – Большая группа патрулирующих людей беспокоит меня – эдакие дружинники. Правда, до сих пор они действовали в рамках закона, особенно когда схватили парочку типчиков, подглядывающих в окна, и мелкого воришку – любителя женского белья. Прошлым вечером на молодую женщину по имени Мэгги Драммонд напали и изнасиловали в ее же квартире. Она заявила в полицию. Теперь у нас есть достаточные основания для решительных действий, и мы познакомимся поближе с «джентльменским патрулем».

На лице Хелен появилось выражение ужаса вперемешку с желанием приняться за работу.

– Я знаю Мэгги Драммонд! – воскликнула она. – Она ходила на все вечеринки Марка. Такая умница! Чтобы получить место аспиранта-физиолога в Чаббе, нужно быть действительно умным. Она пишет кандидатскую на тему «Миграция птиц» под руководством профессора Харта – мировой величины в физиологии. – Лицо Хелен смягчилось. – Бедная Мэгги! Это сломало ее, капитан?

– Причинило страдания – несомненно, но она проявляет необычную стойкость. Мэгги сама настояла на встрече с детективом, пока еще были свежи в памяти детали нападения. Насильник неоднократно душил ее, и женщина боялась, что травма может вызвать частичную потерю памяти. Она даже назвала его имя – *Didus ineptus*. Это старое латинское название додо, теперь его называют *Raphus cucullatus*.

– Могу я быть полезна чем-нибудь еще, кроме рассказа о Марке Шугаме? – спросила Хелен.

– Да, можешь, – ответила Делия. – Если только готова поступить в мое распоряжение и с точностью выполнять мои инструкции. Готова?

– Конечно! – Лицо Хелен буквально засияло.

– Хорошо. Подозреваю, нам предстоит встретиться далеко не с одной жертвой Додо, и жизненно важно, чтобы эти женщины дали нам необходимую для начала расследования информацию. Сколько бы времени ни прошло с момента насилия, они до сих пор не могут общаться с мужчинами, какими бы милыми те ни казались. Нам с тобой, Хелен, предстоит общаться с жертвами, пока мы не убедим их обратиться за помощью в клинику Чабба к Лиз Мейерс – уникальному специалисту по реабилитации жертв насилия. Поэтому мы сейчас научим тебя, как следует себя вести – здесь мало женской солидарности, нужно овладеть некоторыми психологическими тонкостями. Надеюсь, что у нас будут звонки от первых жертв завтра, после утреннего шоу Майти Майк, но вполне вероятно, что и сегодня – после радиопрограммы Люка Корби. Ты станешь моей тенью, Хелен. Куда я, туда и ты. Понятно?

– Да! – с энтузиазмом воскликнула Хелен. По крайней мере это было ее первое дело здесь, и она очень хотела, чтобы Делия проявила себя в нем. Если Делия отличится, то отличится и она.

Кармайн отправился в Кэрю, а если точнее – на восьмой этаж Талисман-тауэрс, единственного модного комплекса с дорогими апартаментами, построенного в районе, известном главным образом спокойствием, уютом и множеством проживающих тут студенток. Хелен сказала, что Марк работает дома, поэтому Кармайн намеревался застать его в апартаментах.

– Я, как и Хелен, являюсь собственником этой квартиры, – объяснил ему Марк Шугамен, приглашая капитана в большую комнату, которая из гостиной была переделана в студию. Указав на два стула возле стола, мужчина сходил в кухонную часть комнаты за кружками и кофейником, а потом еще раз – за сахаром и сливками.

Внешне он казался крупным, но довольно обычным мужчиной под шесть футов ростом. И только глаза – широко открытые, зеленые, с длинными ресницами – выделили бы его из

толпы. Одет он был в мешковатые выцветшие джинсы и рубашку с коротким рукавом, из нагрудных карманов которой торчали карандаши, сигареты, короткая металлическая линейка и что-то еще.

Если принять за правду тот факт, что жилище творческой личности пребывает в жутком беспорядке, то Марк был не типичным художником – в комнате поддерживался безукоризненный порядок. Все стены в студии были выкрашены в белый цвет, и только одна представляла собой огромные стеклянные панели, сквозь которые открывался вид на пролив Лонг-Айленд – столь умиротворяюще голубой в эту чудесную пору бабьего лета. Вместо мольберта он работал на чертежной доске, перед ней стоял высокий барный табурет. На примостившемся рядом с доской высоком столе находились чернила, ручки, карандаши, электрическая точилка, различные транспортиры и рейшины, аккуратная стопка листов и кувшин с водой. Когда они прошли мимо доски, Кармайн с удовольствием рассмотрел выполненный чернилами в черно-белом цвете рисунок, изображающий невероятную семейку енотов. Хоть человеческая натура и была там едва прорисована, однако угадывалась достаточно четко.

– Я иллюстрирую книги, – пояснил Шугамен, разливая кофе. – Эта книга рассчитана на подростковую аудиторию, от тринадцати и до девятнадцати лет, поэтому издатели желают получить первоклассные иллюстрации – без каких-либо штриховок и прочих простеньких дешевых приемов. А значит, обращаются к Марку Шугамену. Сейчас мало какие художественные школы обучают классической технике рисования чернилами, и мои способности очень востребованы. Я учился в Лондоне и Антверпене.

– Сколько уже существует ваше патрулирование в Кэрю? – спросил Кармайн, добавляя в кофе сахар и сливки. – Прошлой ночью была изнасилована Мэгги Драммонд, но у нее хватило смелости связаться с нами. Ее унизили и изнасиловали с особой жестокостью, однако Мэгги – очень сильная женщина. Она хочет, чтобы этого монстра поймали. Я пришел к вам с просьбой о помощи полиции.

– О Господи! – воскликнул Марк, расплескав кофе. Его необычные зеленые глаза заблестели, наполняясь слезами.

– Пришло время рассказать всю правду о «джентльменском патруле», сэр.

– Я с радостью это сделаю, капитан. – Мужчина сделал глубокий вдох, взял бумажную салфетку из пачки и вытер пролитый кофе. – Первой жертвой, о которой мы знаем, была Леони – моя дорогая, любимая Леони! Я обнаружил ее, когда поднялся к ней, чтобы пригласить прогуляться. Она была... в ужасном состоянии! Без ножевых ран, но сильно избита. Он изнасиловал ее трижды, один раз – особо извращенно. Я хотел позвонить в полицию, но она мне не разрешила; поклялась, что будет все отрицать. Бормотала о своей семье во Франции, о позоре. – Марк чуть ли не закричал зубами. – Я так и не смог переубедить ее.

– Вы верите, что Леони была первой жертвой?

– Я так думал, но Мейсон Новак – мой лучший друг – сказал, что его девушка, Ширли Констебл, вела себя как Леони. Он прежде считал, что у Ширли был нервный срыв из-за работы, хотя та ей очень нравится. После случая с Леони он твердо уверен – Ширли изнасиловали. Но он даже в комнату к ней попасть не может, поэтому... кто знает?

Кармайн поставил свою чашку. Кофе, кстати, оказался так себе.

– Мистер Шугамен, даже если женщины отказываются сообщать в полицию, вы должны были прийти и изложить свои подозрения, а не организовывать районное патрулирование.

– Теперь я это понимаю, капитан, но тогда ни мне, ни Мейсону ничего подобного в голову не пришло. Я разместил в «Холломен пост» объявление, что организую клуб «гуляющих», куда принимаются только проживающие в Кэрю. Меня накрыл настоящий шквал желающих! Идея «джентльменского патруля» нашла потрясающий отклик.

– Без какого-либо стимула, кроме изнасилования Леони Каустейн, о котором, как я полагаю, вы не упоминали? Звучит несколько необычно, сэр.

Марк усмехнулся:

– Во-первых, хороший способ быть в форме – и мышцы поддержать в тонусе, и сердце в хорошем состоянии. Во-вторых, большинство присоединилось, чтобы спастись от одиночества, – мы ведь всегда патрулируем по трое, состав троек не меняется, а маршруты разные. Ребята сами разбились на группы по интересам. К тому же тройка патрулирует раз в два дня, а не каждый вечер. Это не обременительно.

– И «джентльменскому патрулю» никогда не попадался человек, похожий на насильника? – уточнил Кармайн.

– Точно нет. Максимум, что нам удалось, – это поймать нескольких любителей подглядывать в чужие окна.

– И здесь вы оказали хорошую помощь. Такие любители со временем частенько становятся насильниками. – Кармайн прочистил горло. – Мне нужен список всех членов вашего клуба, мистер Шугамен.

Тот сразу же встал с кресла.

– Я готов. У меня есть все данные о каждом патрулирующем – это обязательное условие для вступления в клуб.

Кармайн с восторгом изучил аккуратно напечатанный список членов. Имена, возраст, адреса, телефоны, род занятий, дни патрулирования – перед ним был не только список, но и скрупулезное, ясно составленное расписание. Там оказались учителя, физики, химики, врачи, дантисты, торговцы, рабочие, клерки, техники, биологи – всего сто сорок шесть имен, возраст разнился от двадцати одного года до шестидесяти восьми лет.

– Вы, должно быть, очень убедительный рекрутер.

Шугамен засмеялся.

– Нет, я – больше организатор, а не демагог, – принялся отрицать он. – Вам нужно поговорить с Мейсоном Новаком. Это он душа «джентльменского патруля», он воодушевляет нас, и именно он решал все главные вопросы.

Кармайн нашел его имя в списке.

– Мейсон Новак, тридцать пять лет, химик-аналитик из Чабба. Где он живет? В Берк-Биолоджи-тауэр или в Сасскинд-Сайнс-тауэр?

– Сасскинд-Сайнс-тауэр. Он занимается неорганической химией.

– У вас есть какое-то определенное место для встреч?

– Мейсон оставляет заявки на малый лекционный зал в Сасскинд-тауэр.

– Так... Сегодня – среда. Значит... в пятницу, в шесть вечера, ладно?

– Что? – не понял Марк.

– О, бросьте, мистер Шугамен! Встреча патруля с детективами Холломена. В пятницу, двадцать седьмого сентября. Назначьте сбор и особо укажите, что присутствовать должен каждый член клуба. Договорились?

– Конечно.

– Вам будет не трудно собрать свое воинство. Послушайте утреннее шоу Майти Майк. Гарантирую, что все джентльмены будут сгорать от нетерпения, желая узнать подробности происходящего.

«Забавно, – размышлял Кармайн, направляясь вечером домой за рулем своего любимого «форда-фэрлейна», – что беда никогда не приходит одна. Пришлось сделать Хелен Макинтош детективом, хотя не уверен, что она будет подчиняться приказам. А Кори Маршалл не справляется с обязанностями лейтенанта – кто мог предвидеть такой разворот событий? Сегодня я узнал, что в нашем милейшем и спокойнейшем районе, Кэрю, объявился опасный насильник. А моя прекрасная жена, ростом почти шесть с половиной футов, пасует перед ребенком, которому еще не исполнилось двух лет. Дездемона! Дважды она сталкивалась лицом к лицу

с убийцами и выходила в схватке победительницей, а сейчас же вопящий маленький задира совершенно измотал и сломил ее. Готова расплакаться по любому поводу. Об этом невыносимо думать, а все же придется. Эту проблему надо решить как можно быстрее. Иначе я могу потерять свою жену».

Припарковавшись на единственное свободное место в гараже, рассчитанном на четыре машины, он направился вниз по тропе к входной двери, понимая, что две встречи после работы существенно задержали его приход домой, лишая Дездемону столь необходимой помощи. Их дом – большая постройка в колониальном стиле с трехэтажной квадратной башней и площадкой на ней, огороженной перилами, – стоял на большом, в два акра, участке земли и смотрел на гавань Холломена. Они жили здесь уже больше двух лет и любили это место в любую погоду: и в ясный летний день, и в студёный зимний, когда бушует снежная метель. Но дух дома зависел от его хозяйки, а Дездемона была сломлена.

Он не смог отговорить ее от второй беременности, наступившей вскоре после первой. Когда родился Алекс, Джулиану было только шестнадцать месяцев. Мальчики представляли собой настоящий сплав своих отлично скроенных родителей: от Кармайна они унаследовали крепкое телосложение и осанку, от Дездемоны – кости, которые в будущем могли сделать из них баскетбольных игроков, а от них обоих – необыкновенную смышленность, сулящую конец родительскому спокойствию. Если с Джулианом уже сейчас было необыкновенно трудно, то что предстоит им вынести, когда Алекс начнет болтать и ходить?

Женщина, которая прежде успешно занималась организационными вопросами целого исследовательского института, теперь превратилась в неутомимую домохозяйку и отличного повара. Но после рождения Алекса пять месяцев назад Дездемона сдала. И не без помощи Джулиана, настоящего разбойника, любящего препираться по любому поводу.

«Вот я и пришел! – думал Кармайн, открывая входную дверь. – А теперь постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вытащить Дездемону из того болота, в которое она погружается».

– Как здорово тебя видеть, но еще лучше – чувствовать, – пробормотал он ей в шею, сжимая в довольно крепких объятиях. Потом он нежно поцеловал ее.

Прекрасно понимая, что такая встреча не является прелюдией к страсти, Дездемона усадила мужа в кресло и дала ему в руки аперитив перед ужином.

– Джулиан в кровати? – спросил он.

– На этот раз ты его обманул. Он ждал тебя, но ты не пришел вовремя, и он уснул. – Она вздохнула. – У него сегодня была жуткая вспышка злости, прямо в полдень во время ленча у Марии. Я же говорила ей, что не хочу приходить! – Горячая слеза обожгла руку Кармайна.

– Моя мама иногда ведет себя не очень умно, Дездемона. Я правильно понял – наш сын все испортил?

– Испортил бы, если бы Мария не отшлепала его – и очень сильно! Ты знаешь, как я отношусь к шлепанью, Кармайн. Нужно находить другие, более эффективные способы воздействия на маленьких детей.

«Ну же, Кармайн, вперед!»

– Если он и есть, любовь моя, то, похоже, нам пока не удалось найти его по отношению к Джулиану. – Ему хотелось верить, что слова его звучат разумно и убедительно. – Приступы гнева – одна из форм истерики, и ребенку не повредит, если его вовремя остановят.

В былые дни она тотчас принялась бы яростно возражать, но не теперь. Вместо этого она предпочла уйти от темы.

– В любом случае произошедшее вымотало мальчика. Вот почему он спит.

– Прекрасно, значит, я смогу побыть в тишине и покое.

– Ты тогда всерьез угрожал ему няней? Мы не можем себе позволить няню, Кармайн. К тому же присутствие чужого человека только навредит Джулиану.

– Во-первых, я сам разберусь с нашими финансовыми возможностями, женщина. Тебе не следует одной так выкладываться с двумя малышами. Мы можем себе это позволить, и я не угрожал Джулиану, а лишь предупреждал его. Мы возьмем няню, любовь моя, не по той причине, по которой ты думаешь. Не столько ради Джулиана, сколько ради тебя. Ты впала в отчаяние, Дездемона. Ты рыдаешь, когда думаешь, что тебя никто не видит, и никак не можешь выбраться из охватившей тебя безысходности. Сегодня днем я ходил к доктору Сантини, потому что каждый раз, когда я настаиваю на твоём к нему визите, ты приходишь и тут же убегаешь, ссылаясь на болезнь Джулиана или Алекса. Дездемона, честно! Доктор отнюдь не глупец. Он, так же как и я, знает, что больна именно ты. Он сказал, что ты страдаешь от послеродовой депрессии.

Дездемона раздраженно села в кресло. Кармайн говорил таким тоном, что даже небеса прислушались бы. А когда злость стихла, она признала – с ней действительно что-то не так. И насколько она понимала, это непросто вылечить, хотя мужчины – что они могут понимать – списали бы все на физиологию.

– По-видимому, врачи знают достаточно о женщинах, столкнувшихся с депрессией после рождения ребенка. Никаких фрейдистских комплексов здесь нет, только физиология – гормональный срыв, который можно со временем преодолеть. Тебе придется завтра утром посетить доктора Сантини, а если ты этого не сделаешь, жена, то я отвезу тебя к нему с полицейским эскортом. Моя мама придет и посидит с детьми...

– Она отшлепала Джулиана! – вскричала Дездемона.

– Скорее всего его необходимо было отшлепать. Дездемона, не надо считать это проявлением жестокости только потому, что твой отец бил тебя, когда ты была ребенком. Где твой здравый смысл?! И давай не будем переводить разговор на Джулиана, сейчас речь о тебе.

Слезы беззвучно катились по ее лицу, но она по крайней мере смотрела ему в глаза.

– Доктор не собирается сажать тебя на сильнодействующие лекарства. У тебя довольно серьезный случай, но ты придешь в порядок сама, если мы дадим тебе свободнее вздохнуть. Главным образом это касается Джулиана. Шлепанье – не выход в обращении с ним, тут я с тобой согласен. Когда пройдет шок от первого такого наказания, на следующее он просто не обратит внимание. Ну, как тебе мои мысли?

– Прямо в точку, – довольно резко ответила она. – О, Кармайн, я думала, что когда ты приходишь домой, то тебя мучают мысли о работе, а дело во мне! Во мне! Мне так жаль! Что я могу сделать? Я стала тебе обузой!

– Дездемона, не плачь! Я предлагаю тебе пути решения, а не копаюсь в причинах. Ни при каких обстоятельствах ты не будешь обузой. В жизни всякое случается, в таком положении может оказаться каждый из нас. Доктор посоветовал мне нанять для тебя молодую помощницу. Ее зовут Прунелла Балдучи, из семьи Балдучи, проживающей в восточной части Холломена, и она приходится мне родственницей. Прунелла обычно работает в Верхнем Ист-Сайде в Нью-Йорке, причем за очень большие деньги. Пару недель назад она решила, что очень устала от такого режима, и вернулась домой. Имея значительную сумму на счете в банке, она не нуждается в высокооплачиваемой работе и хочет некоторое время пожить рядом с мамой и папой. После некоторого перерыва она направится в Лос-Анджелес и там будет работать с людьми, подверженными эмоциональным и нервным срывам. Прунелла работает именно с семейными проблемами, она так организует быт, что через некоторое время домочадцы уже могут нанять обычную няню или экономку. – Кармайн сделал глубокий вдох. – Сегодня, по пути домой, я заехал к Джейку Балдучи и поговорил с Прунеллой. Она согласилась побыть с нами до Рождества. Сказала, что к этому времени от проблем не останется и следа. Мы можем себе позволить ту плату, которую Прунелла берет за работу в Холломене, так что деньги – не проблема.

– Я не буду... я не могу...

– Женщина, конечно, ты можешь! Я отлично знаю, как ты вымываешь весь дом перед приходом Кэролайн, которая приходит его убирать. Это сумасшествие какое-то! Но ты не сможешь делать так, если человек будет жить здесь, будет есть вместе с нами и станет едва ли не членом семьи, пусть и временно.

Дездемона ахнула от изумления.

– Жить здесь? Где? В какой комнате? О, Кармайн, я не могу!

– Еще я позвонил в Парацельс-колледж своей дочери, этой неблагодарной маленькой кокетке. За три недели она ни разу нам не позвонила. Но после разговора я понял причину и простил ее. Она согласилась внести свой вклад в твоё выздоровление – не приезжать домой до Рождества. Прунелла будет жить в ее башне. Кэролайн отмоет ее завтра – я уже дал ей поручение. Прунелла придет на следующей неделе.

Дездемона откинулась в кресле, переводя дух.

– Вижу, ты уже все распланировал, – холодно сказала она.

– Да, женщина. Главной задачей Прунеллы будет превратить Джулиана в такого ребенка, которого вечерами после работы захочется видеть, а не придушить за то, что он тебя изводит. В данный момент он ведет себя совершенно разнузданно – властно, потребительски. Если он и дальше будет так развиваться, то ему светит единственная карьера – на поприще адвоката. Честно говоря, Дездемона, – продолжал Кармайн лишь наполовину шутливо, – я не хочу сына, который будет выгораживать убийц и насильников. Я буду счастлив, если Джулиан станет государственным служащим. Под всеми его выходками скрываются черты хорошего человека, и сейчас настало время сделать все, чтобы эти черты победили. Ты слышишь меня?

– Слышу, слышу, – ответила Дездемона, пытаясь улыбнуться. – Это Шекспир сказал: «Давайте уьем всех адвокатов!»²? Ты абсолютно прав: мы не можем растить адвоката. Даже окружной прокурор нам не подойдет.

– Тогда договорились?

– Думаю, да. Пусть Прунелла приезжает, но не ради меня, а для Джулиана. – На ее лице промелькнула тень страха. – Вдруг она мне не понравится?

– Понравится. Ты полюбишь ее.

– Она будет шлепать Джулиана?

– Думаю, в ее арсенале есть приемы получше, радость моя. Попробайся не сравнивать со своим детством. Надо видеть в этой ситуации Джулиана, а не себя. Он – только половина тебя. Вторая половина, американо-итальянская, довольно вынослива.

Дездемона неспешно выбралась из кресла.

– Ужин, – сказала она.

Не важно, в каком настроении и когда готовила Дездемона. Простой стейк, картофель фри или салат – ее блюда всегда были великолепны. Мясо перед жаркой она посыпала специальной солью со специями, а ее картошка фри таяла во рту – хрустящая снаружи и воздушная внутри.

– Теперь, – заговорила Дездемона, когда с ужином было покончено, – расскажи мне, как идут дела, Кармайн. Я только что слушала выступление Делии в программе Люка Корби.

– Нужно как можно быстрее собрать максимум информации о Додо – мы решили так его называть, хотя он сам предпочитает латынь – *Didus ineptus*. Есть какие-нибудь идеи, почему он так назвался?

– Да. Он – позер.

– Который к тому же ошибся. Этот термин относится еще к классификации Линнея и сейчас не используется.

² Let's kill all the lawyers! (англ.) – Уильям Шекспир. Генрих VI.

– Не думаю, что для него это важно. Само название находит у насильника какой-то отклик. Но ведь тебя сейчас беспокоит не Додо, – добавила Дездемона, отпивая чай маленькими глоточками. Она убедила Кармайна после ужина пить чай вместо кофе, и он стал спать гораздо лучше. – Расскажи мне, любимый.

– Морти Джонс пьет, а Кори не желает этого замечать.

– Ох ты! За пьянство ведь могут уволить, верно?

– Если во время дежурства, то да. Мгновенная отставка, так прописано в наших контрактах. Джон Сильвестри становится непробиваемым, когда речь заходит о выпивке, да и окружной департамент полиции известен своим отношением – никаких спиртных напитков.

– Но Морти! Он слабовольный человек, я знаю, однако...

Лицо Дездемоны казалось бы совсем неприметным, если бы не бледно-голубые глаза – Кармайну они напоминали дрейфующий лед: какие-то неземные и немного жутковатые – и эти глаза сейчас опять наполнились слезами.

– Думаю, это из-за жены, – сказала она.

– А когда было не из-за нее? Я поймал его входящим на работу в понедельник, и мы поговорили. Похоже, накануне в субботу произошел крах их отношений, Морти застал Аву, тайком прокрадывающуюся в свободную комнату в три часа ночи. Он сказал, что с него достаточно, а она в ответ наговорила, будто дети не его. Он ее ударил – она упала на пол, из разбитого носа полилась кровь. Ава собрала вещи и оставила Морти на милость его мамочки... – Кармайн развел руками. – Все воскресенье он провел в баре «Шемрок». Можешь себе представить, как он выглядел и как от него пахло в понедельник утром!

– О, Кармайн, это ужасно! По словам Нетти Марчиано, мальчик Бобби – сын Дэнни Морски, а Гиджит – от не очень известного полицейского Харпо Маркса. Должна сказать, что фамильное сходство налицо. Но ведь Морти ничего не знал, верно?

– Полагаю, просто не хотел знать. Он не в состоянии полностью обеспечить семью, поэтому и пьет. А Кори изображает страуса, спрятав голову в песок. Мать Морти согласилась пока присмотреть за детьми, но велела ему искать домработницу.

– О, дорогой! – Английский акцент Дездемоны не звучал вызывающе, как у Делии, но становился сильнее в эмоциональных фразах.

«По крайней мере, – подумал Кармайн, глядя на нее, – проблемы Морти Джонса отвлекут ее от мыслей о Джулиане».

– Ты можешь что-то сделать, Кармайн?

– Остается лишь и дальше говорить с Морти и надеяться. Ава ведь снова вернется домой. Ни один полицейский не будет терпеть ее где-то, кроме постели.

– Но Кори беспокоит тебя не только из-за этого?

– Какая ты умница! Кори ревнует к Эйбу. Он дал мне понять, что я к нему отношусь с предубеждением. Просто в голове не укладывается!

«Почему они не оставят его в покое? – спрашивала сама себя Дездемона. Все ее былое отчаяние развеялось в пыль под натиском злости на Кори, Аву, Морти – всех тех, кто не хотел видеть, какой замечательный человек ее муж. – Я должна прийти в себя, должна! Сейчас Кармайну меньше всего нужна такая эмоционально неустойчивая жена». Но ее желания сейчас были за пределами возможностей. Дездемона, съжившись, сидела в кресле и не находила в себе сил утешить мужа. Маленькая вспышка гнева лишь снова наполнила глаза слезами. Она попыталась их сморгнуть, но они безудержно покатались по щекам, и снова именно Кармайн нашел силы, чтобы ее утешить.

К полудню следующего дня – это было 26 сентября, вторник – Делия Карстерс, ответственная за сбор информации о предыдущих жертвах Додо, выявила шесть молодых женщин, которые, по ее предположениям, вполне могли оказаться предшественницами Мэгги Драм-

монд. Радиопередача, прошедшая в форме диалога между Делией и несуществующим гостем программы, имела ошеломляющий эффект. Делия подозревала, что все шесть жертв очень хотели бы обратиться за помощью именно к женщине, но никто из них, как это обычно бывает, даже не предполагал о наличии в престижном медицинском учреждении – больнице Чабба – клиники для жертв насилия. Пользуясь своим акцентом, она изобразила уверенную в себе женщину, которая обещала слушателям в спокойной обстановке и наедине поговорить со всеми пострадавшими.

Восхищенную ее способностями Хелен она строго проинструктировала в расчете на их будущую работу с пострадавшими.

– Ты когда-нибудь подвергалась насилию? – спросила ее Делия.

– Нет, никогда.

– Значит, ты столь же невежественна, как и мужчины. Перед лицом этих подавленных женщин у тебя есть только один плюс – твой пол, который и будет влиять на них успокаивающе. Никогда не выказывай безразличия или недоверия.

– Ты имеешь в виду, что мужчины склонны считать изнасилование вымыслом?

– Меньшая часть. Некоторые из них были ложно обвинены в изнасиловании, этих уже не переубедить. Другие воспитывались с мыслью, что все женщины – лгуны и обманщицы. И всегда есть заблуждающиеся. История Самсона и Далилы является для них хорошей иллюстрацией – женщина лишает мужчину силы и власти.

– Зачем ты рассказываешь мне прописные истины?

Вздыхнув, Делия терпеливо продолжила:

– Я это рассказываю, потому что редко какой мужчина сочувствует жертвам изнасилования, но капитан Кармайн Дельмонико относится именно к таким редким мужчинам. Дело Додо будет тщательно расследовано не только из-за того, что насильник ведет себя все наглее и жестче.

– А еще почему? – требовательно спросила Хелен, ее глаза засверкали от любопытства.

– Не выдумывай ничего лишнего, Хелен! – отрезала Делия. – Никаких романтических историй о Кармайне и изнасилованной девушке! Тут нет ничего личного, совсем. Такой девушки не существует. Я пытаюсь донести до твоей несведущей головки, мадам стажер, что тебе чрезвычайно повезло работать здесь.

– Да, Делия, – послушно ответила та. – Что я должна делать?

– Если жертва насильника решит прийти сюда, то ты сидишь вместе со мной и с ней в одной комнате. Если же женщина предпочтет разговор дома, то ты вместе со мной едешь к ней домой. Ты – просто свидетель. Ты не говоришь ни слова, пока я не разрешу. Ты не задаешь никаких вопросов, даже если считаешь, что ответы помогут раскрыть преступника. В этом случае ты пишешь вопрос на листочке и показываешь мне, а я решаю. Наше единственное преимущество в том, что мы – женщины. Не испортить все. Понятно?

– Мне следует вести записи?

– Да, но ненавязчиво. К несчастью, никто из них не согласится на аудиозапись разговора.

Всего насчиталось семь жертв: Ширли Констебл была изнасилована 3 марта, Мерседес Мендес – 13 мая, Леони Каустейн – 25 июня, Эстер Дубровски – 16 июля, Мэрилин Смит – 6 августа, Натали Голдфарб – 30 августа и Мэгги Драммонд – 24 сентября.

Хелен предложила привезти каждую женщину в окружное управление полиции на своей личной машине, а потом отвезти обратно, и Делия смогла убедить шесть женщин приехать именно туда. Когда Хелен привезла Ширли Констебл, Делия отметила, что ее ассистентка обращалась с этой наиболее напуганной молодой женщиной с доброжелательным спокойствием и благодушием, которые буквально окутывали зеленый «ламборгини» – спортивную машину стажера, и не упоминала о предстоящей беседе.

Никогда прежде Делии не приходилось сталкиваться со столь сильно ушедшим в себя человеком. Ей понадобилось не меньше часа, чтобы разговорить Ширли, а когда это произошло – слова полились рекой. Молодая женщина в силу своих религиозных убеждений до изнасилования была девственницей и теперь считала свою жизнь разрушенной.

Больше всего Ширли терзалась от мысли, что Додо вернется и убьет ее, а какая-то часть ее сознания твердила, будто она заслуживает смерти. «Нам, женщинам, надо вытравить из себя этот постулат, – подумала Делия. – Общество считает, что девственность дает мужу гарантию отцовства. Посмотрите на беднягу Морти Джонса».

Убедив Ширли, что Додо слишком увлечен поиском дальнейших жертв и потому не вернется убивать предыдущих, Делия отправила ее в сопровождении Хелен к доктору Мейерс.

– Его методы нападения с каждым разом становились все отточенней, – поведала она позже Кармайну и Нику, – и, похоже, он перешел к трехнедельному циклу. Между нападениями на Ширли и Мерседес прошло десять недель, через шесть недель была Леони. После Леони – каждые три недели, причем предпочтения отдает вторникам и средам.

Кармайн нахмурился:

– Выходит, он не подвержен ни лунным, ни солнечным циклам. Это значит, что у нас серьезные проблемы. Он может изменить временной промежуток, не боясь обидеть Луну или Солнце. Ненавижу тех, кого нельзя отследить по влиянию звезд и планет.

– Так, может, его действия зависят от влияния Марса или Венеры. Мы не узнаем, пока не сверимся с астрономическими таблицами. Я посмотрю, – сказала Делия. – Как бы то ни было, если он заиклился на трехнедельном промежутке, то следующее нападение предположительно произойдет шестнадцатого октября, в среду. И мы должны быть готовы, Кармайн, несмотря на влияние Солнца, Луны или чего-то другого.

– Есть определенный физический типаж жертв?

– Нет. Ни по расовому, ни по религиозному признаку. Различен цвет волос, глаз, кожи. По происхождению – есть из Восточной Европы, Латинской Америки, есть англосаксонка и еврейка. Общая черта может выявиться, когда мы детально изучим все случаи и побеседуем со всеми жертвами. Сегодня мы поговорили только с Ширли, с остальными лишь познакомились.

Вошла Хелен и села рядом с ними.

– Твои впечатления, Хелен? – спросил Кармайн.

– У нас почти не было времени на общение, когда мы заезжали к ним домой. Больше смогу сказать после того, как привезу каждую из них на беседу к нам сюда. Сам Додо для каждой жертвы выглядит практически одинаково. Верно, Делия?

– Да.

– Почти шесть футов ростом, отлично сложен. Все женщины сравнивали его с Марлоном Брандо. Голый и без волос на теле. Ни шрамов, ни родинок, прыщек, прыщей – ничего. Наголову надевает черный шелковый капюшон. Всегда молчит. Угроза и имя написаны печатными буквами на кусочке бейнбриджского картона черным маркером.

– Спасибо, – мягко перебил ее Кармайн. – Делия?

– Ширли была изнасилована дважды, оба раза вагинально. Мерседес тоже два раза, но во второй – анально. Так дальше и пошло – каждый раз немного больше насилия. По моим ощущениям, нападение на Мэгги Драммонд и появление удавки или шнура подводит Додо к убийству. А значит, мы просто обязаны его поймать.

– Как никогда согласен.

– Ау вас, Кармайн, есть какие-нибудь идеи относительно Додо? – спросил Ник.

– Для начала скажу вот что. Он по-своему уникален. Несмотря на шесть изнасилований за семь месяцев, он ухитрился остаться незамеченным. Если бы не «джентльменский патруль», его нападение на Мэгги Драммонд показалось бы нам первым случаем. Никто из его предыдущих жертв не обратился в полицию. Додо – охотник, который много знает о выбранных

им женщинах. Я предполагаю, что он работает по списку, а там может быть до сотни имен, – мрачно закончил Кармайн.

– Он постепенно придет к убийству? – спросила Хелен, так как не расслышала их предыдущего обсуждения.

– Все насильники, которые совершили несколько нападений, в конце концов приходят к убийству. Асфиксия во время последнего акта стала своеобразным рычагом. Вот почему вы, женщины, разговаривая с жертвами, внимательно выискивайте в действиях насильника порывы к удушению. Но так, мисс стажер, чтобы ваши подопечные не догадались, к чему вы ведете. Мы ведь не хотим подкинуть им новых идей и страхов, верно?

«Как смеют они обращаться со мной как с неразумным тинейджером! Мадам стажер! Мисс стажер! Постоянно поддевают... Но им не вывести меня из себя». Голубые глаза сверкали от сдерживаемых эмоций, но Хелен Макинтош теперь разбиралась не только в правилах полицейского делопроизводства, и ничто не выдавало ее мыслей.

– Хорошо, – ответила она вслух.

– Нагота Додо выдает его гипертрофированное эго. Он уверен, что может справиться с любой неожиданностью, например, с возвращением соседки. Его методы отрицают наличие в нем тяги к холодному оружию и огню – никаких порезов, увечий, даже прижиганий сигаретами. Он тискает, щипает, но больше всего – пинает. Все его действия носят эротический характер и затрагивают преимущественно грудь, ягодицы, живот и лобок. Они даже в некоторой степени инфантильны. По словам Мэгги, он довольно долго пребывал в возбужденном состоянии, но, видимо, кончить не мог. Судя по всему, он придерживается четких принципов.

– По вашему описанию перед нами человек со сверхъестественным хладнокровием, спокойствием и собранностью, – с тревогой заметил Ник.

– Не сверхъестественными, но очень развитыми. Кто-нибудь из жертв видел оружие, Делия? – спросил Кармайн.

– Пока нет.

– Он должен брать с собой какое-нибудь оружие и держать его под рукой, – добавил капитан.

«Задай свои вопросы, Хелен, – говорила она сама себе. – Если они заставляют тебя выглядеть невежей – это потому, что ты и есть невежа. Но ты здесь, чтобы учиться, а они иногда не видят самого простого – слишком много воды утекло, слишком давно они стали полицейскими».

– Почему насильники чаще всего убивают жертву, именно душа ее? – спросила Хелен. В ее широко раскрытых глазах светилось любопытство. – Ведь частичная асфиксия – лишь одна из разновидностей.

– Словно бросая вызов смерти? – Кармайн выглядел довольным. – Да.

– Не думаю, что кто-то знает точно. По общему мнению, удушение – руками, удавкой, шарфом – дает убийце возможность неспешно наблюдать, как умирает его жертва. Это может длиться минуты. – Если убийца искусно владеет шнуром, он может доводить свою жертву до грани десятки раз, прежде чем свершить последний *coup de grace*³. К тому же такая смерть бескровна, а большая часть убийц-насильников не любят крови. Из-за нее грязно, и последствия могут быть непредсказуемые, если только заранее тщательно не продуманы варианты, как смыть с себя всю кровь. Одна крохотная капля может подписать приговор, если кровь была редкой, а убийце не полагалось быть в том месте. – Кармайн развел своими крупными красивыми руками: – Я могу сказать одно, Хелен: Додо нужна не кровь, его возбуждают мучения женщин.

³ *Coup de grace* – удар, при котором смертельно или тяжело раненного и уже не оказывающего сопротивления противника добивали, чтобы прекратить его мучения.

И хотя они сидели в комнате без окон, возникло ощущение, что зашло солнце. Хелен задрожала. Мучения. Какое ужасное слово. Она осознала, что в свои двадцать четыре года еще ни разу ни сталкивалась с мучениями ближе, чем на экране телевизора или газетных полосах.

– Как Додо ухитряется выбирать таких разных девушек? – спросила Хелен. – Ширли – архивариус, Мерседес – модельер, Леони – математик, Эстер читает лекции по предпринимательству, Мэрилин – археолог, специализирующийся на динозаврах, Натали занимается закупкой женской одежды для сети магазинов, Мэгги – физиолог. Где связующее звено, кроме их места жительства в Кэрю?

– Сомневаюсь, что оно есть, – ответил Ник. – Думаю, нам стоит принять на веру, что Додо сам живет в Кэрю и под черным капюшоном скрывается лицо, хорошо известное всем местным жителям. Он может быть членом «джентльменского патруля», может оказаться той телезвездой, с которым ты периодически появляешься вместе, Хелен.

– Курт? – Хелен даже засмеялась. – Это вряд ли, Ватсон! Он – кандидат на Нобелевскую премию по физике.

– Верно, но ты же понимаешь, о чем я говорю. Кем бы ни был наш Додо, он ведет двойную жизнь. Готов поклясться, что его приглашают на вечеринки Марка Шугамена. Кстати, именно эти вечеринки посещали все жертвы насильника.

– Ник! – рассерженно воскликнула Делия. – Ты украл мое открытие.

– В самом деле? Ну и ну, Диле. Сожалею.

– Важно не это, – перебил их Кармайн, – а то, что вы оба обратили внимание на вечеринки. Похоже, ты не просто мельком переговорила с другими пятью жертвами, Делия.

Она покраснела так сильно, что ее румянец невольно составил яркий контраст с оранжевым галстуком.

– Ну... да. Они до смерти хотели поговорить. Ведь после публичного заявления Мэгги об изнасиловании они поняли, что опасность им больше не угрожает. Это очень интеллигентные женщины.

– Вы не верите, что лицо под капюшоном может быть обезображено? – спросил Кармайн.

– Нет, – ответила ему Хелен. – У него нет заячьей губы, расщелины нёба или родимого пятна, капитан. Ник зря пошутил насчет моего друга, но я понимаю, почему он привел в пример именно его. Курт фон Фалендорф – очень привлекательный мужчина, который еще и гений в науке. Они патрулируют в одной тройке – Курт, Мейсон Новак и Марк Шугамен, – водят дружбу с Дэйвом Фейнманом, мужчиной в возрасте, и с парой молодых ребят – Биллом Митски и Грегори Пендлетоном. Но могу вас уверить, сэр: никто из них не прячет мистера Хайда под личиной доктора Джекилла.

– Мы поверим тебе на слово, но после того, как разузнаем о них побольше, – мрачно заметил Кармайн. – Кого еще из «джентльменского патруля» ты знаешь, Хелен?

– Они все – члены патруля? – удивилась девушка. – Я знаю их по вечеринкам у Марка.

– Да, но всего их сто сорок шесть человек.

– Вау! У них есть форма одежды?

– По-видимому, нет. – Кармайн взглянул Хелен в глаза: – Мистер фон Фалендорф живет там же?

– Профессор фон Фалендорф? Нет, он живет не в Талисман-тауэрс, а за углом, в Керзон-Клоуз, в самом красивом здании в Кэрю.

– Он очень интересный мужчина, – добавил Ник, кривя губы.

– Очень умный мужчина, – парировала Хелен. – Он специализируется на частицах – самом сложном разделе физики.

– Ого!

– Веди себя прилично, Ник. – В голосе Кармайна прозвучали довольно жесткие ноты, что заставило Делию взглянуть на капитана с удивлением. – Хелен, твой профессор из Западной Германии?

– Да, у него грин-карта. Работает над субатомными частицами в бункере Чабба. Его очень высоко ценят Дин Галрадхани и другие научные светила. Правда, с тех пор как в лаборатории появилась Джейн Трефузис, он оказался немного не у дел. На самом деле Курт не в восторге от Америки, но здесь его работа и дело его жизни – субатомные частицы.

– Что он имеет против Америки? – со злостью спросил Ник. – Забавно, что никто из подобных ему людей не может сказать о нас ничего хорошего, но с радостью работают у нас и получают наши денежки.

– Здесь я с тобой согласен, Ник. А в основе всего – зависть, – рассудительно ответил Кармайн. – Они видят, как их собственная культура оказывается погребена под американскими фильмами, телевизионными программами и чтивом. Должно быть, тяжело наблюдать, как соотечественники способствуют глобальному распространению американской культуры, особенно дети и местные высокопоставленные чиновники.

– Из Восточной Германии или Западной? – не отставал Ник от Хелен.

– Вряд ли из Восточной. А... ты имеешь в виду корни? Фон Фаленд орф происходит из семьи прусского юнкера, проживавшего практически у границы с Польшей. Отец Курта сбежал из Восточной Германии в сорок пятом году. Теперь их семья процветает.

– Включая профессора фон Фалендорфа, – уточнил Кармайн.

– Уж точно не нуждается, сэр. У него шикарный дом и черный «порше». Что он собой представляет? Неимоверно чопорен и одновременно вдохновляет, подобно Парцифалу. И все же Курт мне нравится. У него прекрасные манеры. Могу поспорить на что угодно – чтобы он опоздал ко мне на свидание, должна случиться утечка радиации, не меньше. Курт – джентльмен, вымирающий вид.

– На мой взгляд, он все больше и больше похож на Додо, – сказал Ник.

– Довольно, Ник! – резко осадил его Кармайн. – Что ты знаешь о Марке Шугамене, Хелен?

– Еще один представитель вымирающего вида, – несколько язвительно ответила девушка. – Как и я, он – собственник апартаментов в Талисман-тауэрс. Чрезвычайно организованный человек. Самый дотошный из всех известных мне мужчин, особенно когда дело касается работы, да и планирования жизни в целом. Курт просто дитя в сравнении с Марком. Марк устраивал лучшие вечеринки, пока Леони не слегла с нервным срывом – то есть, как мы теперь знаем, до ее изнасилования. Поверить не могу, что Додо вторгся в Талисман-тауэрс! – Хелен вздрогнула: – Но Марк тоже не может быть насильником, сэр. Точно. Летом он плавал в бассейне, и я видела, что его грудь покрыта волосами. Да и Курт волосат.

– Разве ты не слышала о специальных накладках на торс? – спросила Делия.

Хелен от удивления открыла рот.

– Ты шутишь, – неуверенно пробормотала девушка.

– Нисколько. Многие считают волосатую грудь признаком мужественности, поэтому некоторые неуверенные в себе мужчины носят подобные накладки.

– Спасибо, Делия. – В глазах Кармайна плясали задорные искорки. – Раз уж ты занялась этим вопросом, попытайся выяснить, как совершенно голый мужчина ухитрился не оставить ни единого напоминания о себе в квартире Мэгги Драммонд. Женщина упоминала хирургические перчатки, но никак не смогла объяснить полное отсутствие родинок, прыщей и тому подобного.

– Он воспользовался гримом, – подала идею Делия.

– Гримом? – изумился Ник.

– Ты только подумай, – с воодушевлением начала Делия, – мы должны признать, что у Додо прекрасная кожа – ни единого пятнышка. Но не существует людей с абсолютно чистой кожей. Если он блондин или рыжий, у него должны быть веснушки. Если он смуглый – должны быть родинки. А уж у скольких мужчин есть прыщи на заднице. Какие бы изъяны у Додо ни были, он заgrimировал их. Додо тщеславен.

– Умная девочка! – воскликнул Кармайн. – Зарабатываешь еще три звездочки к своему послужному списку, Делия. Теперь, помимо эпиляции, можем добавить к признакам насилия использование грима.

– А разве грим не осыпается? – спросил Ник.

– Практически нет. Если он хорошего качества. Может статься, что его особые приметы находятся в таких местах, которые не вступают в тесный контакт с жертвой. Или, если это грим, то такой, который стирается только органическим растворителем вроде алкоголя, ксилола или хлороформа.

– Теперь у нас появилось несколько дополнительных вопросов к жертвам. – Кармайн выглядел довольным. – Девочки, обязательно поинтересуйтесь, оттирал ли насильник какие-либо части их тел, был ли специфический запах – это может нам подсказать, куда Додо наносит грим.

Вчера Дэнни Марчиано последний раз появился в окружном управлении полиции в должности капитана; с сегодняшнего дня, 26 сентября, его место занял Фернандо Васкес. Однако, поднимаясь по лестнице, Кармайн думал совсем не о Васкесе и не об окружном управлении.

Что ему делать с Кори Маршаллом? Кори не появился на сегодняшней утренней встрече. А хуже всего, что Эйб Голдберг, который покончил с делом об ограблении в придорожном кафе «Тиннеквей» и вошел в свой обычный рабочий график, почуял неладное. Ограбления на заправочных станциях, подобно большинству других дел Эйба, поначалу давали мало подсказок, куда осмотнительному лейтенанту направить свои силы, но Эйб проявил достаточно терпения и сообразительности, чтобы некоторое время просто плыть по течению. Пока Тони Черутти и Лиам Коннор сновали повсюду в поисках улик, он сидел на месте и работал мозгами, а потому давно заметил напряженность в отношениях между Кармайном и Кори.

– Я вчера зашел вместе с ним в лифт, – сказал Эйб Кармайну, когда они закончили обсуждать текущие дела, – так Кори полностью меня игнорировал. Меня бы это ни капельки не задело, если бы позже он не сказал о тебе довольно неприятные вещи, Кармайн.

– Он себя сейчас чувствует так, словно весь мир ополчился на него. – Кармайн не мог отговориться дежурными фразами, так как Эйб необычайно тонко улавливал царящую атмосферу, и эта его черта зачастую помогала видеть скрытое от глаз. И хотя лейтенант не был параноиком, он с легкостью раскусил бы, что Кармайн пытается увиливать. – Во-первых, – продолжил он, – когда ты заполучил Тони и Лиаму, ему в наследство достался Морти, во-вторых, смерть Уэса Купера – такая полоса неудач кого угодно подкосит. Большинство его дел не проработано. Ты же знаешь Кори, он принимает все слишком близко к сердцу, зачастую забывая о рациональном подходе.

– Больше ни слова. – Эйб криво усмехнулся и направился в свой кабинет.

«Что мне делать с Кори?» – опять задал себе вопрос Кармайн, поднимаясь по лестнице.

Кори Маршалл пришел в департамент полиции Холломена сразу после школы и проработал копом уже семнадцать лет, причем последние пять – детективом. Он хорошо знал всю рутинную работу и все же не выполнял ее, как подобает лейтенанту. Большая часть работы состояла в протоколировании опросов свидетелей и пострадавших и была для полицейских и ночным кошмаром и спасением одновременно; эти бумаги несли в себе множество ключей к раскрытию. Но сначала их следовало написать. Например, если расследование вдруг заходило

в тупик, как в случае с тройным убийством на железнодорожном вокзале в 1930 году, именно плохие письменные свидетельства помешали раскрыть дело по горячим следам и привели к затяжному следствию. Во время расследования того самого тройного убийства ненадлежаще составленный и излишне эмоциональный опрос завел Кармайна в тупик.

Отчеты Кори по столь расхваливаемому делу Зиги Тейлора, связанного с перевозкой героина, оказались совершенно неприемлемыми – всего по три строчки каждый! Содержалась ли в них подлинная информация от осведомителей, или Кори выдумал это значительное в сравнении с уличными кражами и ночными грабежами дело? В результате наркотики оказались в ведении Кори, потому что он заявил, будто усердно работает с сетью осведомителей. «Я обманут, – решил Кармайн, – хотя бы потому, что Кори Маршалл знает, что не справляется с работой лейтенанта, но не готов отказаться от должности. Что делать?»

Впереди маячил кабинет Сильвестри. Расправив плечи, Кармайн открыл дверь и вошел внутрь.

Фернандо Васкес только сегодня вступил в должность, но все сотрудники окружного управления полиции уже давно сгорали от нетерпения – с тех пор как хитрый комиссар объявил эту новость, – никто представления не имел, чего ожидать от босса-пуэрториканца. Ошарашенные полицейские не знали, на кого злиться, не знали, к кому они смогут пойти со своими жалобами, когда возникнет необходимость. Всю вину за такое странное назначение возложили на судью Твайтеса, а комиссар Джон Сильвестри никоим образом не пытался развеять всеобщее заблуждение. Сержанты вроде Джои Тэско и Майка Черутти сравнивали подготовленность Васкеса и окружающих полицейских, прощупывали почву для возможной поддержки и постепенно набирали команду – подразделение готовилось к войне.

Присутствуя несколькими месяцами ранее на собеседовании с будущим капитаном, Кармайн был немного удивлен, однако в целом впечатление оказалось приятным. Он знал, как серьезно Сильвестри настроен влить свежую кровь, ведь ничто не ускользало от зоркого орлиного взгляда комиссара, пусть и расположившегося на вершине башни окружного управления. Комиссар явно положил глаз на Фернандо Васкеса.

Приглядевшись к Васкесу повнимательнее, Кармайн окончательно утвердился в своем мнении, что этот человек не проиграет ни одной битвы, не говоря уж о войне. Он был похож на чрезвычайно умелого и деятельного главнокомандующего: прямой, как стрела, крепкого телосложения, он излучал не столько уверенность, сколько решимость. Его лицо было по-своему привлекательным: прямой заостренный нос, четко очерченная линия рта и черные глаза, которые словно видели насквозь. Такому человеку не сможешь солгать, но и симпатии испытывать к нему не будешь. Перейдешь ему дорогу – пожалеешь, что так сделал. Кармайну нравился новый капитан, и он надеялся, что у Васкеса хватит гибкости безболезненно и честно отделить зерна от плевел. Для него очень многое зависело от этого назначения: если он не справится с фактически первой серьезной должностью, подразумевающей единоличное командование, то на его дальнейшей карьере будет поставлен крест.

Капитан Васкес тотчас принялся за дело. Были ликвидированы удобные кабинеты, рассчитанные на одного сержанта. Перерывы планировалось сделать короче, чем в любых других подразделениях, к тому же обедать отныне предлагалось или в местной столовой или за территорией ведомства. Никаких негласно принятых сроков пребывания на должности. Жесткая очередность в исполнении всех обязанностей: даже старшие копы теперь должны были в свою очередь заступать на дежурство, вести протоколы, посещать тюрьму, идти в патруль, регулировать уличное движение и делать множество рутинной работы, как и все остальные полицейские. Джои Тэско был выдернут из-за так любимого им стола дежурного, Тони Черутти снят с патрулирования, но на революционном фронте не прозвучало ни единого выстрела – оба сержанта были тотчас задействованы на довольно серьезных участках работы, и им пришлось усердно заняться освоением новой сферы деятельности, чтобы не потерять лицо. Некоторые

перемены были весьма ловко нацелены на молодых полицейских – те получили такую работу, о которой даже не смели мечтать. В действиях наметился некий баланс: на каждого бывшего лидера, которому подрезали хвост, находился новый молодой, у которого выросли крылья. Еще до вступления в должность новый капитан запросил копии личных дел своих будущих подчиненных и к первому своему рабочему дню знал все о каждом из двухсот полицейских управления.

«Да, будут ошибки, – с готовностью признал он. – Но только не с ветеранами, которых нужно встряхнуть. Будут ошибки с молодыми, продвигающимися вверх. И лишь работа сможет показать, насколько мои предположения верны».

После часового выступления капитана Васкеса капитан Дельмонико почувствовал себя несколько взбодренным. Что такое его проблемы в сравнении с проблемами этого человека, под началом которого такая огромная команда полицейских?

– Что гложет тебя, Кармайн? – неожиданно спросил его Сильвестри.

Дельмонико на миг закрыл глаза.

– Не думал, что это так очевидно, Джон.

– Я давно тебя знаю. Давай колись.

– Кори Маршалл не на высоте.

– Досадно, но вполне ожидаемо.

– Я пошел не тем путем, когда принял решение продвинуть его и Эйба, – холодно заметил Кармайн. – Я действительно верил, что после тщательного и основательного обучения для них будет лучше найти свой собственный путь. Это сработало с Эйбом, но не с Кори.

– В чем конкретно проблема? – спросил Фернандо. В его голосе слышалась заинтересованность.

– В организации, включая бумажную работу. Все отчеты от команды Кори, за исключением рапортов Базза Дженовезе, никуда не годятся. Например, связанное с наркотиками убийство проститутки за зданием муниципалитета произошло месяц назад, еще до появления в команде Базза. Кори занимался им сам, но если бы я был тридцатилетним полицейским, намеревающимся в перспективе разобраться в деле, то не смог бы. Он сделал недостаточно фотографий, а его описания места преступления оказались весьма жалкими. Я ему дотошно все объяснил, но он не считал необходимым дополнить записи. Множество дел Кори пребывают именно в таком состоянии.

– Он как-то это объясняет? – спросил Сильвестри.

– Конечно. «Дело не стоит того, чтобы жертвовать столько времени на отчеты, когда его можно потратить на более интересные преступления».

– О! – воскликнул Фернандо. – Он – особенный полицейский.

– Простите?

– Этот лейтенант не терпит заурядных дел, он жаждет славы.

– Прямо в точку, – согласился Кармайн, кивая. – К тому же пренебрегает любой рутинной работой, а следовательно, мы имеем небрежные табели и скудные отчеты почти от всех членов его команды.

– Верьте или нет, но с рутинной работой он может справляться с легкостью. Сколько он работал с вами?

– Пять лет.

– Значит, с рутиной все в порядке, иначе вы не проработали бы с ним и пяти минут, не говоря уж о пяти годах. Он хочет особенных дел, а не всякой ерунды и, готов поспорить, считает, будто ваши дела гораздо интереснее, чем его. Он вредит сам себе. А кто им руководит? – спросил Фернандо.

– Его жена, – в один голос ответили Дельмонико и Сильвестри.

– В этом-то и трудность.

– Добро пожаловать в полицейское управление Холломена, – широко улыбаясь, сказал Сильвестри. – Такая особенность у всех маленьких городов – здесь ничто не остается в секрете. За шесть месяцев Нетти Марчиано посвятит и тебя во все подробности, Фернандо.

Отсмеявшись, Кармайн задал капитану вопрос:

– Правда, что вы собираетесь реорганизовать всю иерархию в управлении?

– Если хватит времени, то да, – с готовностью ответил Фернандо. – В управлении слишком много сержантов, что приводит к некоторой неразберихе – кто кого главнее и тому подобное. Однако никакой спешки. Все случится, когда я сам буду готов. – Васкес с удовольствием потянулся. – Если в полицейском управлении Холломена и есть промах, то он состоит в нехватке индейцев. Да и среди детективов слишком много начальников. Ваши лейтенанты, Кармайн, делают ту же самую работу, что и члены вашей команды. Создается впечатление, будто человек, занимавшийся структурированием подразделения, считал бумажную работу худшей ношей.

– Это был Джонни Катано, – сказал Сильвестри. – Он прослужил много лет главой управления, но никогда не был капитаном. Катано считал, что каждой командой из трех полицейских должен руководить лейтенант, а над ним стоять высший по званию. Первым капитаном сделали Кармайна в 1966 году, скорее из чувства благодарности, чем в рамках изменения структуры.

– Мы с комиссаром осознаем, что слишком много начальников, но устранить проблему не так просто, – заметил Кармайн. – Фернандо, расскажите еще о грядущих переменах.

– Мне нужно всего три лейтенанта, которых я выберу из сержантов. Мне нужны исполнительные сотрудники, Кармайн, так как я не желаю тратить время на незначительные вещи... на бумажную работу. Меня направили сюда, чтобы привести в форму этот департамент полиции, прежде чем наступят непростые времена. Целых два политических убийства за три месяца⁴, какой позор! Мы не можем позволить повторение подобного.

– А-а! Вот откуда взялась смена обязанностей для таких, как Джои Тэско и Майк Черутти. Согласно устоявшейся традиции они автоматически получили бы новый кабинет, хотя Джои несколько лет не покидал стола дежурного, а Майк – патруля. Блестяще. Когда наступит время назначить новых лейтенантов, вы будете знать, кто из них лучший.

– Я надеюсь.

– Вы правы насчет непростых времен, – сказал Кармайн. – Мне пришлось передать Кори дело, которым я сам хотел бы заняться. Директор средней школы имени Тафта обнаружил в спортивном зале склад огнестрельного оружия. Оружие мы забрали, но дети молчат и пока не ясно, почему оно там находилось. Обе средние школы, Тафта и Тревиса, имеют среди своих учеников сторонников и членов «Черной бригады», но Мохаммед аль-Неср яростно отрицает ее причастность.

– Лейтенант Маршалл должен справиться, – отметил Фернандо. – Это потенциально громкое и очень важное дело. Какое оружие нашли?

– Отчет будет у вас на столе. Цифры ужасают. Полуавтоматические пистолеты: двадцать – сорок пятого калибра и десять – двадцать второго калибра, а также обоймы к ним. Могло бы погибнуть много народу.

Сильвестри перекрестился:

– Как хорошо, что директор школы оказался на высоте и быстро среагировал. Если виновата не «Черная бригада», то кто? Ученики средней школы не будут баловаться таким оружием, да и на коллекцию какого-нибудь родителя не похоже. Настоящий боевой запас, а не случайно собранное оружие. Только сорок пятого и двадцать второго калибров, одинаковые модели.

– Их возможности как автоматического оружия особенно меня беспокоят, – добавил Кармайн.

⁴ Имеются в виду убийства Мартина Лютера Кинга (4 апреля 1968 года) и Роберта Фрэнсиса Кеннеди (6 июня 1968 года).

- Задай всем жару, Кармайн, включая Кори.
- На самом деле это как раз его тема, если только он станет придерживаться верного порядка действий. Я беспокоюсь о другом: что он не записывает?

В эту пятницу Кармайн нашел время, чтобы проехать по Кэрю и взглянуть на дома жертв насильника и членов «джентльменского патруля». Почему Ник испытывает такую сильную неприязнь к Хелен? Он никогда не упускал возможности кольнуть ее.

Хелен была права, когда назвала дом Курта фон Фалендорфа самым красивым в районе. Здание в колониальном стиле с украшенными колоннами крыльцом, построенное еще до Войны за независимость, располагалось на акре ухоженной земли, в окружении сада. За домом обнаружился небольшой крытый переход, соединяющий основное строение с пристройкой, которая в былые дни использовалась в качестве кухни. Теперь же скорее всего это был домик для гостей; тому, у кого семья проживает в Западной Германии, необходимы соответствующие условия для приезжающих к нему. Кармайн решил, что у парня определенно водятся деньги, так как, помимо всего прочего, он еще должен платить садовнику.

Дэйв Фейнман жил в маленьком коттедже, всего через два дома от Курта фон Фалендорфа. Он был вдовцом и в списке значился как ушедший на пенсию независимый статистик, который время от времени выполнял какие-либо заказы. Мейсон Новак, специалист по неорганической химии, которого Марк Шугамен назвал вдохновителем «джентльменского патруля», проживал в небольшом симпатичном домике прямо за углом, возле пересечения с улицей Спрус-стрит.

Никто из «джентльменского патруля», похоже, не испытывал денежных затруднений, и уж едва ли кто был женат или жил с женщиной. Возможно, потому, что жены вряд ли захотят, чтобы их мужья патрулировали улицы ради безопасности других женщин, когда их собственные остаются дома. Кармайн считал, что причина, собравшая сто сорок шесть одиноких мужчин Кэрю, кроется во множестве молодых женщин вокруг. Этот район города представлял собой богатый рассадник только для одного типа мужчин – для джентльменов. Где еще мог возникнуть «джентльменский патруль»?

Арнольд Хедберг, сорокалетний профессор истории из государственного колледжа восточного Холломена, жил в рассчитанном на три семьи доме, располагающемся на Дубовой аллее, и являлся в этом доме собственником без всяких закладных апартаментов на первом этаже. Майк Донахью – слесарь-водопроводчик, хозяин довольно процветающего предприятия – в свои тридцать с небольшим лет проживал в жилом доме и тоже являлся собственником апартаментов, хотя и отягощенных залогом. В одном доме с ним проживало множество женщин, но ни одна из них не стала жертвой Додо.

Грегори Пендлетон, сорока пяти лет, работал помощником окружного прокурора, занимал верхний этаж шестизэтажного дома на Стейт-стрит и являлся безоговорочным владельцем своих апартаментов. Билл Митски жил в собственном частном доме и владел бухгалтерским бизнесом, специализирующимся на налогообложении. И так далее, и так далее... Всего несколько мужчин из «джентльменского патруля» оказались закоренелыми холостяками. Большинство же столь пострадали от развода, что, как говорится, обжегшись на молоке, стали дуть и на воду. Шугамен, Митски, Новак и фон Фалендорф называли себя холостыми, что не говорило, будто они не в состоянии добиться славы Синей Бороды. Если развод оформлен, мужчина законно считается холостым.

После тщательного размышления Кармайн решил, что всей его команде, включая Хелен, следует присутствовать на встрече с «джентльменским патрулем», назначенной на шесть часов вечера на седьмом этаже Сасскинд-Сайнс-тауэр в Сайнс-Хилле – университетском городке Чабба. Кампус был детищем Генри Блэкберна, и одним из лучших. Став президентом Уни-

верситета Чабба сразу после окончания Второй мировой войны, Блэкберн отделил двадцать девять акров земли в восточной части лужайки и отдал их Архитектурной школе Чабба для возведения кампуса. Обе башни – Берк-Биолоджи и Сасскинд-Сайнс – выросли здесь лишь после 1960 года, до этого территория могла похвастаться лишь множеством маленьких зданий и массивной усеченной пирамидой, поросшей травой, – бункером для физиков, где все работы проводились под землей в прохладном и отфильтрованном воздухе. Ухоженная лужайка на вершине пирамиды вызывала постоянное раздражение Комитета борьбы за ядерное разоружение, знающего, что под ней скрывается; им негде было нарисовать свою символику и приходилось довольствоваться плакатами с надписью «ЗАПРЕТИТЬ БОМБУ».

Услышав разошедшиеся новости об изнасиловании Мэгги Драммонд, все члены «джентльменского патруля» явились на встречу. С подиума Кармайн отчетливо видел лица мужчин, расположившихся на изогнутых рядах кресел.

Хелен и Делия сели с одного боку от Марка Шугамена, в то время как Кармайн и Ник – с другого. Члены клуба напряженно разглядывали их, особенно Хелен, которую знали лучше остальных. «Возможно, наличие двух женщин и чернокожего мужчины не делает нас похожими на полицейских», – подумала Делия.

– Уверен, вы знаете об изнасиловании Мэгги Драммонд, – начал Марк. – Но вы не знаете, что до нее насилию подверглись еще шесть девушек. Я не буду называть их имен, но некоторые из нас могут предположить, о ком идет речь. Сегодня вечером мы встречаемся с представителями полиции, занимающимися этим делом, чтобы ответить на их вопросы и задать свои.

Пока Шугамен представлял Дельмонико и его команду, капитан бегло осматривал собравшихся. Было легко догадаться, кто из них Мейсон Новак и Курт фон Фалендорф – они сидели бок о бок в первом ряду рядом с женщиной в возрасте; последний, таких Кармайн обычно называл «холеный Дэн», немного напоминал звезду 30-х годов Уильяма Пауэлла – даже маленькие усики имелись.

Курта фон Фалендорфа везде сочли бы красавцем: рост шесть футов, отличное телосложение и красивая нордическая внешность, в которой поклонник тевтонских мифов нашел бы определенное сходство с Зигфридом. Коротко стриженные волосы были такими светлыми, что сверкали словно посеребренные ином, – и никаких длинных стрижек в стиле «Битлз»! Его глаза имели такой же льдисто-голубой оттенок, как у Дездемоны, а безукоризненно четкие черты лица, включая высокие скулы, позволяли с легкостью вообразить Курта в фуражке генерала вермахта. Странно, что он не вызывал ассоциаций с гестаповцем. Может быть, потому, что Хелен рассказала о его прусских корнях? Он виделся капитану холодным рациональным ученым, в его глазах светился высокий интеллект, но не было чувств в отличие от Мейсона Новака, сидящего рядом. Вот это был страстный человек. Примерно такого же роста и телосложения, как и фон Фалендорф, он оказался владельцем рыжеватых волос и внешности, которую предпочитают большинство женщин. Несмотря на некоторую неправильность черт, Мейсон выглядел очень привлекательным. Душа и сердце «джентльменского патруля»? Да, пожалуй, именно так он и выглядел. То, как расположились рядом друг с другом эти двое, говорило об их близкой дружбе и взаимном доверии, весомо характеризую мужчин. Наверное, это не Додо.

Марк Шугамен попросил каждого из патрулирующих подняться и назвать свое имя. Для Кармайна, проехавшего по Кэрю со списком, данная предусмотрительность оказалась приятным сюрпризом, которого он не ожидал. Если бы ему пришлось потребовать, чтобы каждый член клуба представился, это привнесло бы иную, несколько враждебную атмосферу. Марк действительно оказался хорошим парнем.

Дэйв Фейнман был энергичным мужчиной шестидесяти восьми лет, подтянутым и обаятельным; для него, по-видимому, не представляло проблемы найти себе женщину. Арнольд Хедберг был серьезным и сосредоточенным, Майк Донахью выглядел так, словно с удоволь-

ствием готов заняться скалолазанием. Красота Грегори Пендлетона казалась несколько мрачной, греховной, а Билл Митски выглядел «золотым» мужчиной – светлые волосы, глаза, кожа.

Всех их объединяла замечательная физическая форма; среди патрулирующих не было невысоких мужчин, вероятно, потому, что низкорослому мужчине было бы неловко находиться среди длинноногих собратьев – ведь рост зависит от длины ног, а не туловища.

– Наши тройки общительные и дружные, потому что мы всегда ходим в одном и том же составе, – рассказал холеный Дэйв Фейнман.

– Дежурят все до одного? – спросила Делия.

– Да, каждый второй вечер, будь хоть дождь, хоть град, – ответил Шугамен. – Мы выпускаем в патруль двадцать четыре тройки, двое остаются в резерве. Как уже сказал Дэйв, люди в тройке всегда одни и те же. Состав утрясся полюбовно в течение первых шести недель и с тех пор не менялся. И каждый вечер мы прочесываем район, вот почему не можем понять, как смогли пропустить насильника.

– Вы ходите не в то время, мистер Шугамен, – ответил Ник. – Он выступает раньше вас, а когда вы выходите на улицу – он уже находится в доме своей жертвы.

– Но потом же он должен уйти!

– Если бы перед нами был заурядный насильник, вы бы оказались правы, сэр, – он покинул бы дом еще во время вашего патрулирования. К несчастью, он занимается своим грязным делом долго, – пояснил Ник. – Вместо того чтобы наброситься, а потом убежать, он остается и насилует несколько раз, примерно в течение четырех часов. Поэтому он попадает в дом еще до вашего патрулирования и не выходит до тех пор, пока вы не разойдетесь по домам.

– Мы бесполезны! – в волнении воскликнул Мейсон Новак.

– Нет, сэр, не бесполезны, – уверенно и доброжелательно ответил ему Кармайн. – Только посмотрите, чего вы уже добились! Пока вы патрулируете улицы, женщины Кэрю знают, что на улице им ничто не угрожает. Вы схватили троих потенциальных насильников. И пока это вам доставляет удовольствие, продолжайте патрулирование. Ваши действия не останавливают Додо, но зато они делают Кэрю безопаснее.

Его слова заставили мужчин почувствовать себя лучше: они начали распрямлять спины и тихо переговариваться меж собой.

– Вы патрулируете район между шестью и семью тридцати, что сейчас особенно важно, так как световой день сокращается, – добавила Делия. – Женщины обращаются к вам с просьбой проводить их?

– Да, в последние пару дней, – ответил Грегори Пендлетон.

– Теперь подобные просьбы учащаются, – заметил Кармайн. – Поверьте, женщины Кэрю благодарны «джентльменскому патрулю».

– Мы можем как-нибудь улучшить эффект от наших дежурств? – спросил Марк Шугамен.

– Вы можете разбить патрулирование на две смены, пусть вторая будет длиться с семи тридцати до девяти часов; правда, Додо это нисколько не помешает.

– Додо – его полицейский псевдоним? – поинтересовался Билл Митски.

– Так он сам себя называет. *Didus ineptus* – старое латинское название дронта. Мы же используем английское название – додо.

Мейсон Новак недовольно поморщился:

– Пресса будет в восторге.

– Верно, мистер Новак. И в этом есть свои преимущества. Благодаря броскому имени мы получим широкую огласку дела именно тогда, когда она нам нужна. Возможно, потому Додо его и выбрал.

– Тоже получит свою долю внимания, – добавил Арнольд Хедберг.

– Если вы полагаете, что Додо стремится к популярности, то ошибаетесь, профессор Хедберг, – ответил Кармайн, с усилием вспомнив вставившего реплику. – Додо скрытно играл

свою роль в течение семи месяцев – так что огласка ему не нужна. Мэгги Драммонд стала его ошибкой, он не предполагал такой храбрости. Он не смог запугать ее и заставить молчать. Теперь и полиция в курсе его преступлений, и более ранние жертвы нашли в себе мужество, чтобы рассказать о случившемся. Так что Додо будет гораздо труднее.

– Следует ли нам распустить «джентльменский патруль»? – уныло поинтересовался Мейсон Новак.

Кармайн удивленно посмотрел на него:

– Зачем полицейскому желать роспуска вашего клуба? Разве я уже не отметил, какую хорошую работу проделал «джентльменский патруль»? Давайте больше не будем упоминать о роспуске... пожалуйста.

«Слишком подвержен перепадам настроений, нестабилен, – оценил Кармайн Мейсона Новака, произнося успокаивающие слова. – К счастью, Марк Шугамен хорошо знает его и может им управлять».

Капитан заговорил снова, но на этот раз его голос был жестким, даже агрессивным.

– Я хочу, чтобы вы запомнили одну вещь, господа. Додо – не подглядывающий в окна извращенец и не фетишист, ворующий нижнее белье. Он – сексуальный хищник, хитрый, острожный, изобретательный и безмолвный. Не достаточно просто увидеть его, чтобы распознать. Его коллеги, друзья и знакомые вряд ли способны увидеть в нем насильника, садиста и убийцу. Я не имею в виду, что вам следует на всех знакомых смотреть иначе. Рано или поздно эта вымершая птичка попадется на крохотной ошибке. Но если вы обнаружили в ком-то некое несоответствие, которому нет объяснения, скажите нам.

– Когда мы сможем увидеть Мэгги? – спросил Арнольд Хедберг.

– Через некоторое время, сэр. Сейчас мы поселим ее в охраняемое место, хотя не думаем, что она в опасности, – ответила Делия, чья прическа сегодня напоминала парикмахерский шест⁵. – Однако не стоит давать насильнику такой шанс.

– В клинике Чабба работает доктор Лиз Мейерс – одна из ведущих в мире психиатров, занимающихся реабилитацией жертв насилия, – сказал Кармайн, когда встреча уже подходила к концу. – Она начала вести специальную программу для жертв Додо.

Курт подождал, пока Хелен спустится с подиума.

– Не ожидал увидеть тебя здесь, – заметил он, шагая рядом с девушкой к выходу.

– Почему бы мне не быть здесь, если я детектив из команды капитана Кармайна, – неохотно ответила Хелен. Сейчас был не тот момент, когда Курту стоило вслух заявлять о своих правах на нее, да еще в присутствии всех этих мужчин! И все же он такой душка! Ей нравились его безупречные манеры, а его доброта не требовала доказательств, особенно после тех восьми месяцев, что они встречались. Его гениальность замечательным образом сочеталась с очень редким качеством: Курт в общении с легкостью мог снизойти до уровня простака. Она до сих пор не пригласила его к себе в постель, и ему это на самом деле нравилось. Почему? Потому что он искал жену, а не любовницу. Каждое свидание заканчивалось несколькими восхитительными поцелуями и объятиями, без каких-либо продолжений. Он считал ее добродетельной. Она находила его поиски добродетельной невесты чрезвычайно удобными. Отталкивание излишне пылких влюбленных не было любимым времяпрепровождением Хелен.

– Не стоит, чтобы твое имя было связано с расследованием, – сердито сказал он. – Тебя может увидеть Додо.

– О, Курт! Я живу в охраняемых апартаментах, а не на верхнем этаже двухквартирного дома, – с раздражением ответила девушка. – И я – коп! Причем отучившийся в главной полицейской академии Нью-Йорка. Додо же не дурак. Как все хищники, он набросится на добычу,

⁵ Вывеска парикмахера представляет собой шест, окрашенный по спирали в белый и красный цвета.

только зная, что сможет с ней справиться. Клянусь твоим чопорным лютеранским богом – со мной ему не справиться.

– Не упоминай имя Господа всуе! – с ужасом воскликнул он.

– Вздор! – ответила она, посмеявшись над его серьезностью.

Прямо за ними шли Кармайн, Ник и Мейсон Новак, а позади – Билл Митски, Марк Шугамен и Грегори Пендлетон.

– Вы были другом Ширли Констебл, верно? – спросил Ник Мейсона.

– Да.

– Поговорите с Делией Карстерс дней через пять. Она сможет вам что-нибудь посоветовать.

– Ширли так замкнулась в себе – мне кажется, ей уже не помочь, – уныло ответил Мейсон. – Она даже не позволяет находиться с ней в одной комнате.

– Слишком пессимистично, мистер Новак. Мы, полицейские, видели доктора Лиз Мейерс в деле. Это нечто!

Didus ineptus слушал этот разговор так же, как и все остальные, и бесшумно скрипел зубами. Какой смысл принадлежать к «джентльменскому патрулю», если не использовать все преимущества, которые дает этот клуб. Он не был среди первых его членов, не был и последним из вступивших; находиться в середине лучше всего – спереди и сзади всегда масса народу, можно сказать, что вокруг толпа.

«Мне следовало убить Мэгги Драммонд, – думал он. – Из-за того, что я оставил ее в живых, копы знают обо мне и моих методах. Охраняемое место, да? Значит, пока она в безопасности. Думай на несколько шагов вперед, Didus ineptus! Мэгги Драммонд узнала имя и классификацию, к которой оно относится. Будут ли копы считать его недоучившимся невежей, не знающим, что Didus ineptus теперь называется *Raphus cucullatus*? Этот итальяшка-капитан образован и умен, но достаточно ли он проницателен? Нужно обладать очень острым умом, чтобы распутать все нити отгадок, столь ловко завязанные и перепутанные Додо.

В глубине души он знал, что от Мэгги Драммонд стоит ждать неприятностей, но не мог не пойти. Какая великолепная шея! Длинная и нежная, с лебединым изгибом. Единственная в его списке женщина, на ком он смог впервые испытать удавку, – все остальные слишком жалкие. Да, да, да, от нее жди неприятностей! Но если бы он не оставил ее живой, то не смог бы прийти к ней во второй раз и проделать все снова. И тогда уже задушить.

При каждой встрече он начинал испытывать к ней сильную неприязнь, и, судя по эмоциональному накалу, она отвечала ему тем же. Он боролся со своей вымершей птицей яростно. Птица победила, и теперь полицейские знают о нем все. Нет, не все. Но много.

Помахав на прощание рукой, он сел в машину и поехал вниз по Сидар-стрит в Кэрю.

Расстроенный и раздраженный Курт фон Фалендорф свернул в небольшой тупик, в котором находился небольшой жилой комплекс Керзон-Клоуз и поставил свой черный «порше» в гараж. Убедившись, что дверь на электрическом замке полностью опустилась вниз, он направился не к дому, а к небольшому пятачку на обочине, откуда меж крон деревьев открывался вид на ночное небо. Как красиво! И все же не такое, как в Южном полушарии; без мешающих огней цивилизации там оно демонстрировало прозрачную роскошь Млечного Пути во всей красе. Получив степень по фундаментальной науке, он долго мучился выбором: заняться астрофизикой или физикой элементарных частиц?

Сегодня он намеревался сходить с Хелен в «Мотаун-кафе» – выпить и потанцевать, но она не захотела. Ее проклятая работа вмешалась в его планы на свободное время, но если он несколько минут полюбуется звездами в тишине и покое, то простит Хелен. Он всегда ее прощал.

– Созерцаешь звезды, Курт?

«О нет! Уорбертоны!»

– Весь день и вечер провел под землей и в помещении, на меня зажигающиеся звезды действуют лучше, чем бокал шампанского «Моего», – ответил он, стараясь, чтобы в голосе не слышалось раздражения. Если Уорбертоны решат, будто задели за живое, они никогда не убегутся.

– Не патрулируешь этой ночью?

– В такое время? Нет, был на встрече «джентльменов». Не хочешь вступить, Робби?

Раздался тихий смех, удивительно раздвоившийся. Горди тоже был здесь. А когда они бывали поодиночке?

– Душенька! – воскликнул Горди, появляясь в свете фонаря. – Так много тевтонской серьезности! Робби и я были бы так же полезны для «джентльменского патруля», как и Марго Фонтейн⁶.

Курт не смог сдержать легкой презрительной усмешки.

– Вы правы, – ответил он, и в его голосе слышался только отдаленный намек на акцент. – Завтра я созвонюсь с Марго Фонтейн.

– Ты без Хелен? – процедил Робби.

– Хелен в полиции. Сегодня она на дежурстве.

– Подумать только! – сказал Горди. – Лицо, способное спускать корабли на воду, голубая кровь, а предпочла очищать клоаки Холломена.

Когда они сжимались в кулаки, можно было увидеть, какие большие у Курта руки. Сейчас они сжались.

– Возьми свои слова назад, скользкий червяк, а не то я запихну голову Робби тебе в задницу.

Близнецы были лишь слегка напуганы, но спешно попятились. Уж такая у них натура – дернуть кота за хвост и увернуться от его когтей.

– Глупец! – выкрикнул Робби. – Если бы ты лучше знал местные разговорные выражения, то понял бы смысл каламбура.

– Черта с два это был каламбур, – ответил Курт, демонстрируя отличное знание разговорных выражений. Развернувшись, он пошел прочь.

С улыбкой посмотрев друг на друга, близнецы проводили его глазами.

– Он такой толстокожий, – заметил Робби и, положив руку на пояс брату, повернулся к дому.

– Пруссак никогда не были моей любимой нацией, – сказал Горди.

– А скольких пруссаков ты знал, моя радость?

– Курта.

– Говорят, он богат. Да еще такое лицо! Почему мать-природа не наградила нас лицами, как у Курта?

– Наши лица прекрасны, они соответствуют нашему стилю, – ответил Горди. – В них есть пластичность! А у Курта лицо мраморной статуи.

– Верно, верно. Говорят, его отец владеет громадной фабрикой.

– Какая птичка тебе это напела? – требовательно спросил Горди.

– Бэбс – официантка из забегаловки Джои.

– Есть что-нибудь, чего она не знает?

– Что за личность называется Додо.

– Тупая курица. – Горди пожал плечами.

⁶ Марго Фонтейн – выдающаяся английская балерина.

Открыв покрытую красным лаком входную дверь, они прошли внутрь и скинули куртки: темно-серую у Робби и цвета эбру у Горди.

– Темная, светлая, темная, светлая, темная, светлая, – нараспев скандировал Горди, ловко прыгая по крупным плиткам – с черной на белую. Он напоминал собой карикатуру на ребенка-переростка.

– Прыгай только на белые, – сказал Робби, встав на черную плитку.

– Светлая! – воскликнул Горди, перескочив на белую.

– Темная!

– Светлая!

– Темная!

– Светлая!

На этом их танец закончился; близнецы добрались до двери в гостиную, где на полу красовался ковер с безумным геометрическим узором в черно-белых тонах. Смеясь, они плюхнулись в мягкие кресла – Горди в белое, а Робби в черное, – запыхавшиеся и счастливые.

– Как ты думаешь, не пора ли нам сообщить тете Аманде, что мы здесь? – спросил Горди.

– Терпение, близняшка-милашка, терпение.

– Мы сдали дом совершенно чужим людям. Вдруг они расскажут, где мы.

Однако мысли Робби все еще бродили вокруг их соседа.

Есть профессор по имени Курт,
Носит тогу из плутония – он крут.
Ядерным облаком Курт искренне гордился,
Когда из одеяния огромный гриб взвился.

– Очень хорошо, Робби! Мне так нравятся твои лимерики⁷.

– У всех жертв Додо есть одна общая черта, – сказала Делия в следующий понедельник, последний в сентябре.

– Поясни, – попросил Кармайн.

– Никто из семи не занимается, как я это называю, черновой работой, хотя несколько тысяч женщин Кэрю именно на такой работе и задействованы. Ширли – архивариус, каких вообще крайне мало. Мерседес – модельер, и отнюдь не начинающий. Она работает ведущим модельером известной дизайнерской марки «Кабвеб». Леони – выдающийся математик, она работает в Чаббе и окружена мужчинами, считающими ее особенной. Эстер сделала быструю карьеру в государственном колледже восточного Холломена, где читает лекции о малоизвестных аспектах предпринимательства, и ее преподавательские способности совершенно уникальны. Мэрилин я про себя называю невезучей, так как в то время ей следовало быть на раскопках в Альберте, а она неожиданно вернулась домой. Вызов в суд был самым настоящим, а не подделкой Додо. Натали занимается отбором и закупкой с фабрик женской одежды для магазинов «Хаксли». Она обладает безошибочным чутьем на то, что будут носить женщины, поэтому в «Хаксли» ею очень дорожат. Мэгги Драммонд, как мы все знаем, – физиолог, специализирующийся по птицам. Тоже непростая профессия, – закончила Делия.

– Впечатляющий список, даже для шестьдесят восьмого года, – перехватила эстафету Хелен. – Получается, Додо хорошо осведомлен о профессиях своих жертв. Он – интеллектуальный сноб, а значит, секретарши, официантки и уборщицы могут считать себя в безопасности. Как и студентки. Все его жертвы достаточно зрелого возраста, почти все имеющие ученую степень или достигшие определенных успехов на других поприщах.

⁷ Лимерик – короткое юмористическое стихотворение, построенное на обыгрывании бессмыслицы.

– Как он узнает об их профессиях, статусе? – нахмурившись, спросил Кармайн. – У нас есть список «джентльменского патруля», где указано, чем занимается каждый член клуба. Я видел список одной из вечеринок Шугамена, однако женщины в нем только по именам. Хелен, тебе нужно будет уточнить, сколько девушек есть во всех этих списках. У Мейсона Новака мы подобной информацией не разживемся – он слишком дезорганизован.

– Но он должен быть достаточно организован во время работы, – заметила Делия.

– Верно, должен быть. В любом случае «джентльмены», увидев девушку в Кэрю и за его пределами, не смогли бы определить, кто она такая – доктор или секретарь. Додо наверняка эти знания получал, складывая множество факторов. Конечно, дом девушки может многое рассказать о своей хозяйке, но здесь велик риск быть раскрытым.

– Секретари не ходят с тяжелыми портфелями, – включился Ник.

– Не то. Мне кажется, Додо получил доступ к каким-то записям, – сказала Делия. – Правда, из общей схемы выбиваются две жертвы, не имеющие ученой степени, модельер и менеджер по закупкам. Обе женщины работают с одеждой, но их сферы деятельности при этом совершенно различны. Как можно получить информацию о них?

– Подойти в магазине и с очаровательной улыбкой спросить, – наполовину шутливо предположил Ник.

– Он сноб, и сноб во всем, – возразила Хелен, устав от его ремарок. – Он не использует посторонние предметы во время насилия – разве что свой кулак, но это все же часть его тела. Мы с Делией обратили внимание, что наиболее ожесточенное сопротивление он встречает до того, как наденет на жертву носки и острижет ей ногти. Мы полагаем, он таким образом принимает меры предосторожности, чтобы позже иметь возможность немного расслабиться. Столь длительное пребывание в возбужденном, эрегированном состоянии грозит определенной расплатой. Секс – это, конечно, удовольствие, но и поработать приходится должным образом, особенно мужчинам.

– Выяснилось что-нибудь новое о книгах, которые он читал и уносил с собой? – поинтересовался Кармайн. – Ведь жертвы не могли установить, что это за книги, и меня это удивляет.

«Как вовремя сменили тему, – подумала Хелен. – Босс заметил, что моя откровенность смутила Ника, и поспешил на помощь».

– Самая маленькая домашняя библиотека насчитывает около трехсот книг, и в каждом собрании имеется не меньше ста романов, – ответила Делия. – Большинство изданий довольно старые и не читались уже давно. Любая из жертв сразу же установила название похищенного учебного пособия, но старого романа?.. Они догадывались об исчезновении книги только по появлению пустого места на полке.

– Значит, это был не любимый роман, не «Маленькие женщины» – его отсутствие заметили бы, – добавила Хелен.

Заметив лукавый блеск в глазах Ника, Кармайн поспешил вступить в разговор:

– По моим примерным подсчетам, у нас чуть больше двух недель до следующего нападения Додо. Если это произойдет, можно будет с уверенностью сказать, что насильник придерживается трехнедельного цикла.

Хелен вскочила.

– Капитан, – взволнованно воскликнула она, – а если мне сделаться приманкой?! Он может клюнуть.

Кармайн отрицательно покачал головой:

– Ты недостаточно хорошо подумала, Хелен. Этот парень не действует наугад, он работает по своему отработанному списку. Возможно, ты в нем и есть, но у нас нет такой информации. Он знает, что ты – коп. На мой взгляд, он не сочтет твою профессию достойной его внимания. – Дельмонико усмехнулся: – Мне жаль, но таковы факты.

Девушка сникла:

– Да, капитан. Вы правы.

– Если наш Додо состоит членом «джентльменского патруля», – по-деловому начала Делия, – то он не мог быть на патрулировании в ночи нападений. Поэтому я взяла у Марка графики дежурств и просмотрела их. – Она скорчила рожицу, сверкнув отпечатавшейся на зубах помадой. – Я изучила бы все меньше чем за полчаса, если бы составителем большинства графиков не был Мейсон Новак – такой неаккуратный! Ничего особенного не выяснилось, да только ничего – тоже кое-что.

Кармайн улыбнулся и вопросительно выгнул бровь:

– Ну и кто из твоего ничего может стать кое-чем, Диле?

– Шестьдесят один джентльмен, чье дежурство никогда не совпадало с ночью нападения Додо. Однако среди них есть и рыбки покрупнее остальных, – ответила Делия улыбаясь. – Я говорю о Марке Шугамене и двух его напарниках – Арнольде Хедберге и Грегори Пендлетоне, а также о Курте фон Фалендорфе и его группе – Дэйве Фейнмане и Билле Митски. Список у вас на столе. Хотите, чтобы я выяснила, есть ли у них алиби?

– Пока нет. У большинства «джентльменов» не будет никаких доказательств алиби. Точно подтвердить, где были, смогут только те мужчины, которые ведут дневник. Лучше работайте с жертвами.

– А что делать мне? – требовательно спросила Хелен.

– Согласно графику ты вместе с лейтенантом Голдбергом сейчас занимаешься вооруженным ограблением, – тоном, не терпящим возражений, ответил Кармайн. – Сейчас над ним работает большая группа, в том числе полицейские из Хартфорда под руководством Эйба Голдберга, и, значит, есть возможность приобрести бесценный опыт.

– А вы? – спросила Хелен и тут же прикусила губу, коря себя за несдержанность и наглость. «Чертовы полицейские и их правила! Почему бы не спросить человека, чего он хочет?»

Лицо Кармайна оставалось абсолютно спокойным, однако Ник выглядел очень раздраженным.

– Мне нужно будет заняться большой тройкой: Шугамен, Новак и фон Фалендорф.

– О, Курт тут ни при чем, – уверенно вставила Хелен.

– Все будут при чем, мисс Макинтош, пока я не скажу обратного, – осадил ее Кармайн.

– Вау! – со смехом воскликнул Ник и уже про себя добавил: «Знай свое место, маленькая нахальная сучка».

Магазин «Стеклянный мишка Тедди» представал во всей красе, когда украшенная причудливым орнаментом дверь престижного торгового комплекса «Басквош-молл» уже закрывалась, но таймер еще не погасил свет в помещениях. В это время покупатели не заслоняли собой блеск эксклюзивных бокалов, искристость хрустальных ваз и сияние от прозрачных тарелок, чашечек и блюд. Пещера, наполненная лучами света, который загадочным образом струится из тени; подобный эффект усиливался тем, что все витрины и стены были выкрашены в черный цвет или покрыты черной тканью.

Но все бледнело в сравнении с самим стеклянным мишкой. Он сидел в витрине магазина на черной бархатной коробке – один, сияя подобно фосфоресцирующему морскому созданию. Его пухлое тело, лапы и голова, абсолютно бесцветные, были сделаны столь безукоризненно, что в стекле не виднелось ни единого воздушного пузырька. Подушечки на вытянутых вперед задних лапах светились каким-то шелковистым бледно-голубым цветом и казались пришитыми синими стеклянными стежками. Одна передняя лапа была лишь немного впереди туловища, вторая же тянулась к покупателям в немой просьбе. Передние лапы также украшали голубоватые подушечки. Маленькие круглые ушки были выполнены из того же льдисто-голубого стекла, а глаза на улыбающейся мордочке сверкали насыщенно-синим цветом. И хотя само

туловище было бесцветным, его пронизывал свет от голубых ушей и подушечек лап, синих глаз, и оно мерцало, словно внутри полыхало невидимое бледно-голубое пламя.

Больше всего потрясали размеры этого произведения искусства: ростом он был как крепкий ребенок трех-четырёх лет.

Света в магазине уже не было в течение пяти часов, однако общее ночное освещение торгового центра проникало внутрь, вызывая мерцание моря огоньков. Но вот огоньки задрожали: одни погасли, другие стали слабее. Это открылась дверь, ведущая из коридора для обслуживающего персонала в заднюю комнату магазина. Она оставалась в таком положении, пока темная фигура сновала туда-обратно, заноса пакеты, наполненные мусором. Когда дверь закрылась, зажегся свет фонарика. Поставленный на верхушку картотечного шкафа, он осветил изображавший замерзший водопад занавес из стеклянных бус, который закрывал вход в магазин. Незнакомый стянул веревкой многочисленные звенящие шнуры и зацепил веревку за крючок на дверном косяке. Первый мусорный мешок перекинул внутрь магазина, и оттуда донеслись звяканье бутылок и банок, шелест бумаги, шебуршание картона и прочие звуки рассыпаемого мусора. Незнакомый скользнул обратно и взял другой мешок, чтобы опустошить и его. Вот и десятый – более чем достаточно.

Запах мусора уже заполнил магазин, когда незнакомый приблизился к витрине магазина, где на своей черной бархатной коробке в ночном освещении восседал и тускло светился стеклянный мишка.

Незнакомый вытянул вперед небольшой мешок и с резким хлопком вытряхнул из него строительный мусор, подняв облако пыли; сияние медвежонка потухло под толстым слоем прилипшего сора. Затем прозвучало еще несколько таких же хлопков в разных частях магазина. После этого темная фигура освободила от привязи стеклянные нити занавеса, и тот с мелодичным звоном занял свое место. В скудном свете показался нож, готовый перерезать его нити, но на миг застыл, а потом был спрятан неизвестным. Занавес остался нетронутым.

Вандализм вернулся в заднюю комнату, забрал свой фонарь с картотечного шкафа и выскользнул в коридор. Неплохая зарядка получилась... Этот идиот Чарли, которого владельцы торгового комплекса наняли на должность единственного ночного сторожа, сейчас пьет кофе – как всегда в это время.

Из «Стеклянного мишки Тедди» незнакомый двинулся в расположенный внутри торгового центра Третий банк Холломена. Этот банк не мог похвастаться ни должными мерами безопасности, ни сейфами с пневматическими замками. Зачем они в таком месте, где клиенты предпочитают иметь дело с наличными? Он отключил сигнализацию при входе в зал, вошел внутрь и направился к кабинету, в котором Перси Ламберт оставлял наличные для утра следующего рабочего дня. Кто бы мог подумать, что эти ключи окажутся такими удобными? Пятый ключ подошел, дверь открылась. Вандализм вошел внутрь и забрал пятьдесят тысяч долларов, лежавшие на столе, – их утром должны были разложить по ящичкам кассиров.

К четырем часам утра все было сделано. Вандализм отъехал от торгового комплекса как раз в тот момент, когда Чарли начал свой обход. Незнакомец сам с собой заключил пари, что сторож ничего не заметит. Тревогу наверняка поднимут мисс Аманда Уорбертон и мистер Перси Ламберт.

Аманда Уорбертон почувствовала неприятный запах раньше, чем увидела учиненный погром. Открывшаяся картина так ее потрясла, что женщина выронила из рук поводки и бросилась внутрь магазина. У нее словно выбили почву из-под ног. Беззвучно хватая ртом воздух, Аманда взидала на чудовищные последствия вандализма и понимала, что не может закричать. Она прошла в заднюю комнату и позвонила управляющему торговым центром, Хэнку Мюррею. Поскольку в этот первый день октября Аманда Уорбертон пришла на работу на пятнадцать минут раньше, чем Перси Ламберт, то Хэнк еще не имел представления, насколько плохим

будет утро, и мчался со своей спасительной бутылочкой бренди и парой бумажных стаканчиков на помощь женщине.

– О, мисс Уорбертон, какой ужас! – воскликнул он, окинув взглядом магазин. – Вот, сделайте глоточек и почувствуете себя лучше. Просто бренди отлично помогает в шоковых ситуациях.

Хэнк – представительный мужчина сорока с небольшим лет – нравился несколько раз пересекавшейся с ним прежде Аманде, поэтому она послушно сделала глоток бренди и действительно ощутила прилив сил.

– Что он сделал со стеклянным мишкой? – спросила она. Из глаз женщины струились слезы. – Ничего не скрывайте, пожалуйста!

Убедившись, что она не собирается терять сознание, управляющий прошелся по магазину, испытывая скорее не ужас, а удивление – что этому хулигану было нужно?

– Все покрыто грязью и мусором, мисс Уорбертон, – ответил он, возвращаясь к ней. – Но похоже, что ничего не пострадало, нет ни единого осколка. Мишка Тедди абсолютно цел, хоть и испачкан.

– Тогда зачем?.. Что?..

– Знаю только, что это чистойшей воды вандализм, – постарался как можно мягче ответить Хэнк Мюррей. – Ваши товары из стекла, а значит, не пострадают, если их хорошенько помыть. Я знаю одну фирму, которая отлично все отмоет, словно ничего и не было. А нам останется только схватить вандала. Он не смог бы совершить подобного, будь у нас нормальный ночной сторож. – Управляющий расправил плечи. – В любом случае это уже мои обязанности. Вы позволите мне заняться улаживанием всех проблем, мисс Уорбертон?

– Да, конечно, мистер Мюррей.

– Зовите меня Хэнк. Вы уверены?

– Да.

– Ну, тогда проблем не предвидится. У вас есть визитная карточка вашего страхового агента? Мне придется с ним встретиться, ему нужно все это увидеть. – Мужчина издал горький смешок: – Я, наверное, выгляжу бессердечным, но мне хотелось бы оказаться вам полезным... Особенно если местные слухи правдивы.

– Какие слухи?

– Что вы одна-одинешенька.

– Если исключить двоих совершенно непутевых племянников, то слухи верны, – ответила женщина.

– Племянники живут в наших краях? Могу я им позвонить?

– Нет, они в Сан-Диего. Лучше позвоните Марсии Бойс – это моя подруга и соседка.

Лицо Хэнка было чрезвычайно серьезным, а светло-карие глаза излучали участие.

– Боюсь, мне придется позвонить и в полицию. Слишком большие масштабы для простого вандализма, но я не могу понять, почему преступники ничего не разбили.

– Положа руку на сердце, и я не понимаю. Да, нужно сообщить полиции.

В магазине зазвонил телефон. Хэнк ответил, и услышанное заставило его буквально одеревенеть. Положив трубку, он в ужасе взглянул на Аманду.

– Вы не поверите – обокрали Третий банк Холломена. Похоже, наш вандал оказался не так-то прост. С вами будет все в порядке, пока мисс... миссис Бойс не приедет сюда?

– Да, Хэнк. Худшее уже позади. Идите. Я сама позвоню Марсии. Она – мисс Бойс, как и я. Со мной все в порядке, честно.

Только когда управляющий ушел, Уинстон обнаружил свое присутствие протяжным недовольным мяуканьем.

– Уинстон! Фрэнки! Где вы? – ахнула женщина.

Громкое рычание, которое могла бы издать огромная кошка, привлекло внимание Аманды к картотечному шкафу, стоящему в углу; шкаф стоял не вплотную к стене, и из щели на женщину с упреком смотрели две пары глаз. Они не вышли на призыв, так как явно были расстроены не меньше ее, поэтому женщине пришлось подойти к ним и снять ошейники. Каждый день она приводила сюда животных на поводке к открытию и уходила с ними домой вечером.

Уинстон – кот, шикарного золотисто-рыжего окраса с зелеными глазами, чьи лапы видящим его людям казались размером с львиные, – тотчас запрыгнул на верх шкафа и устроился там свое немалое, в двадцать фунтов, тело. Собака, в которой окружающие признавали питбуля и которую предпочитали обходить стороной, была черно-белой раскраски, с уродливой белой головой, украшенной черным пятном вокруг правого глаза. На самом же деле Фрэнки был добрейшим псом, находящимся под влиянием кота, которого очень любил. Оба животных были мальчиками и к тому же кастрированными.

Пообижавшись еще минут десять, кот разрешил Фрэнки подойти к Аманде, которая вцепилась в его теплое мускулистое тело, словно хватаясь за спасательный трос.

Что случилось? Кто ее так ненавидит, чтобы провернуть подобное? От царящей вонь к горлу подступала тошнота, но она не могла уехать до приезда полиции, да и потом тоже. Чтобы уехать домой, ей нужна была Марсия, так как сама она вести автомобиль была не в состоянии.

Первыми прибыли двое патрульных: сержант Айк Масотти и его постоянный напарник Мьюли Эванс. Аманда этого не знала, но ей досталась лучшая патрульная команда Холломена.

– Странно, – сказал Айк, пройдясь по магазину. – Действительно странно, Мьюли. Это не детишки постарались.

– Точно, – ответил напарник. Он всегда соглашался с Айком.

– У вас есть враги, мисс Уорбертон? – спросил сержант Масотти.

– Насколько я знаю – нет, офицер.

– Возможно, дело в стекле. Какого-то чудака привлек ваш магазин, потому что буфет его мамы ломился от бокалов и фарфора; возможно, в детстве он ненавидел свою маму, но боялся что-то разбить – отсюда и мусор, – предположил Айк.

– Верно, – добавил Мьюли.

– Только одно непонятно – как это стыкуется с ограблением банка? – опять обратился к напарнику Айк. – Пятьдесят тысяч зеленых!

Взял и ушел. Закрыл за собой дверь, включил сигнализацию. Хочешь знать, что я думаю, Мьюли?

– Ага.

– Два разных преступления. Парень, поработавший здесь, и парень, грабанувший банк, – это разные люди.

– Хм, – уклончиво промычал Мьюли.

– Мне нравятся ваши животные, мисс Уорбертон, – сказал Айк, без страха приближаясь к Фрэнки. – Какой отличный пес!

Сержант почесал у Фрэнки за ушами, и тот совсем расслабился. Айк внимательно посмотрел на ошейник с биркой:

– Твое имя Фрэнки, верно? А кто у нас мистер Наффи?

– Уинстон, – ответила Аманда. Айк Масотти ей очень понравился.

В этот самый момент в магазин через заднюю дверь вошел детектив сержант Морти Джонс, от которого так сильно пахло выпивкой, что двое патрульных обменялись многозначительными взглядами.

– Ребятишки из школы Тафта, – сказал Морти, осмотрев помещение.

– Ты не прав, – заметил Айк. – Думаешь, все это проделала группка детишек? Ничего подобного. Они получают удовольствие разбивая стекло, а не посыпая его мусором. У кого-нибудь еще устроили подобное?

– По словам мистера Мюррея, нет, – ответила Аманда.

– Получается, мы имеем дело с личной вендеттой, верно, Мьюли?

– Точно.

– А не пошел бы ты, Айк, – ответил детектив, направляясь к задней двери и долгожданной свободе, так как царящая в магазине вонь отнюдь не помогала справиться с тошнотой.

– В рапорте я опишу свой взгляд на ситуацию, Морти.

– Да хоть взгляд Линкольна, Айк. Мое мнение – подростки из Тафта. – С этими словами и легким прощальным кивком Аманде, ставшей свидетельницей перепалки, Морти Джонс вышел.

– Детектив ушел, теперь и нам пора, мисс Уорбертон. Извините, – сказал Айк с искренним сожалением в голосе. – Вы в состоянии остаться здесь одна?

– Да, со мной все в порядке.

– Вот уж действительно приятная леди, – сказал Айк, когда они уже были в служебном коридоре. – Почему мы должны иметь дело с Морти Джонсом? От него ведь пахло выпивкой, а не перегаром. Если комиссар учует это, то Морти вылетит с работы и Аве такое не понравится. Я слышал, она положила глаз на молоденького Джои Дональдсона из информационного отдела.

– Я тоже слышал, – ответил Мьюли. – Мы – не доносчики, Айк, но однажды кто-нибудь расскажет комиссару, как Морти выпивает на работе.

– А я ведь помню Морти еще до того, как он попал в детективы и поступил к Лари Пизано, – сказал Айк. – Он был отличным копом. Все Ава. Как она могла сказать ему, что он не отец ребятишек? Ведь он любит их! Не важно, кто биологический отец. Они – дети Морти. Будь проклята эта женщина, будь проклята!

– Гореть ей в аду, – добавил Мьюли.

Таким образом Кармайн не получил подробного отчета по вандализму в «Стеклянном мишке Тедди» и по ограблению Третьего банка Холломена. А жаль. Несмотря на сильную занятость делом Додо, оба эти случая показались бы ему интересными.

В этот же вторник, 1 октября, пылающая гневом Хелен Макинтош отправилась в Хартфорд, чтобы присоединиться за завтраком к Эйбу, Лиаму и Тони в мотеле, где те остановились. «Возможно, – думала она, мчась на своем «ламборгини», – мне не следовало заранее выпрашивать у лейтенанта дополнительную информацию и более детальное описание того, что мне предстоит. Со сколькими женщинами ему приходилось работать? Насколько я знаю, ни с одной. Попав в Хартфорд, я только обнаружу, насколько Эйб Голдберг резок и недружелюбен, – так зачем же тратить время? Он обращается со мной словно с грязью – этот тощий жалкий мужичонка. Как ему вообще удалось стать лейтенантом? Что ж, лейтенант Эбрахам Голдберг, вам предстоит еще узнать, что ни один выходец из низов – да и из элиты тоже – не смеет обращаться с Макинтош подобным образом. Я превращу вашу жизнь в сущий кошмар, и вы отошлете меня обратно в Холломен, где я наконец смогу выполнять подходящую мне работу – ловить Додо».

Когда Марсия Бойс везла Аманду Уорбертон домой на своем «кадиллаке», Фрэнки и Уинстон по-королевски располагались на заднем сиденье машины. Марсия достаточно хорошо знала домашних питомцев Аманды и была уверена, что животные не устроят ей мелкие неприятности.

Женщинам очень нравились их квартиры, занимающие весь восьмой этаж прямо под пентхаусами. Откупившись от общей планировки, они заказали индивидуальное проектиро-

вание кухонь и ванных комнат, что позволило им сделать смежную ванную к каждой спальне и отдельный туалет для гостей. Какая роскошь! Какая исключительность!

Более того, едва выросла эта покрытая стеклом башня и внутрь въехали обитатели, как жители Басквоша ужаснулись, насколько вдруг изменился их привычный старинный мирок, и спешно привлекли городских шишек для издания непререкаемого правила, запрещающего строительство домов выше двух этажей и в современном дизайне. А так как о подобных домах-кондоминиумах мечтали многие, цены на квартиры в них тотчас баснословно подскочили. То, что раньше стоило сотни тысяч, теперь перевалило за миллион и продолжало расти.

Марсия заварила хороший английский чай и щедро плеснула туда коньяка.

– Кому понадобилось сотворить такое с моим магазином? – спросила Аманда, осторожно делая глоток – чай был очень горячим.

– Уж точно не подростки, – категорично ответила Марсия. – Выпей все, дорогая. Тот детектив, должно быть, полный тупица.

– Ты действительно думаешь, что это не школьники?

– На мой взгляд, здесь продуманный и тщательно спланированный вандализм. Хэнк Мюррей сказал мне, что больше ничей магазин не тронули, и это его весьма озадачило. Все, включая тупого полицейского, считают, будто ограбление банка совершил другой человек. – Марсия с удовольствием пила свой ароматный чай. – Знаешь, дорогая, мы с Хэнком думаем, что погром был нацелен именно на тебя и «Стеклянного мишку Тедди».

Яркие глаза Марсии с любовью посмотрели на подругу – какая куколка! Аманда была очень симпатичной блондинкой с большими голубыми глазами. Отличная фигура и ножки, которым позавидует любая женщина ее возраста. Почему Аманда никогда не была замужем? Сама Марсия развелась и теперь, не имея детей, вела безбедное существование, однако считала, что в свои годы у нее нет и половины шансов Аманды найти спутника жизни. Темноволосая, с простенькой внешностью, она к тому же страдала избыточным весом.

– Из моей жизни ушел свет, – с безысходностью промолвила Аманда.

– Что?

– «Стеклянный мишка Тедди» стал для меня воплощением мечты, но после произошедшего я чувствую себя... чувствую... оскверненной. Я вложила все свободные деньги в это дело – в магазин в торговом центре и доставку товаров по почте. В конце концов мой бизнес в центре города тоже пошел на лад, хотя я и не могла выставить лучшие товары. И вот такое! Почему мой магазин? Почему я? Теперь некоторые антикварные магазины супермаркета просто забывают мои цены.

Заинтригованная Марсия слушала молча. Хотя они дружили уже более двух лет, с тех пор как вместе поселились в Басквоше, сегодня Аманда впервые была настолько откровенна. Значит, у Аманды есть магазин в центре города? Где? В течение десяти лет ее собственная фирма располагалась в центральной части, но есть ли там магазин с хрустальной посудой... Есть. Точно! В галерее, проходящей через универмаг «Мэйсис». Там представлена продукция «Уотерфорд», «Стюарт», чешские и шведские изделия из хрусталя, бокалы для вина, стаканы, вазы – все отличного качества и по приемлемым ценам.

– У тебя есть родственники? – спросила Марсия, выказывая свою поддержку и заинтересованность.

Какое-то время лицо Аманды ничего не выражало, но потом женщина улыбнулась и ответила – бренди сделало ее разговорчивой.

– Да, Роберт и Гордон – сыновья моего покойного брата. Они живут в Сан-Диего. – Она нахмурилась. – Весьма безалаберные. Увлечены грандиозными бредовыми идеями, и этим напоминают мне примеры из книги по психиатрии, которую я однажды читала. – Женщина поежилась: – А еще в них столько притворства! Я не люблю их.

– О, моя бедная Аманда! Как тебе, наверное, одиноко! – воскликнула Марсия, тронутая рассказом. Она открыто улыбнулась: – Не падай духом, дорогая. В пятницу ты с Фрэнки и Уинстоном вернешься в «Стеклянного мишку Тедди» и увидишь его в былом великолепии – прежней хрустальной пещерой красоты.

При упоминании их имен кот и собака встрепенулись, вынырнув из легкой дремы, но, когда о них больше ничего не было сказано, прикорнули снова. Для них это был день расстройств, и излечить последствия мог только сон.

Аманда Уорбертон с трудом выдавила улыбку:

– Надеюсь, ты права. – В ее голосе слышалось сомнение. – Такой запах! А грязь!

Пришло время перевести тему.

– Хэнк Мюррей очарован тобой, – сказала Марсия.

Но сказанное не имело желаемого эффекта. Вместо смущенного румянца на лице Аманды появилось мрачное выражение.

– Надеюсь, что нет, – ответила она после небольшой паузы. – Он меня едва знает. Ты приняла доброту за увлеченность, Марсия. По крайней мере я так надеюсь. Я не ищу себе друга, не говоря уж о муже.

– А следовало бы, черт возьми! – воскликнула пораженная подруга. – Я не говорю о любви или замужестве, Аманда. Просто Хэнк – симпатичный мужчина, который хотел бы познакомиться с тобой поближе. Разве не лучше поужинать с интересным мужчиной в «Морской пене», чем со мной в «Горшочке лобстеров»?

– Нет, не лучше! – отрезала Аманда.

– Но...

– Оставь эту тему, Марсия! Не надо!

И Марсия замолчала.

Кармайн буравил суровым взглядом совершенно не раскаивающуюся Хелен Макинтош, сидящую в его кабинете по ту сторону кухонного стола, который капитан предпочитал письменному с его бесконечными ящичками, узким пространством для ног, перегородками и деревянной поверхностью. Разве кухонную столешницу кому-нибудь удавалось испортить?

Ее позу можно было бы назвать вызывающей: она сидела на старом кухонном стуле, слегка повернувшись вбок и беззаботно закинув ногу на ногу, причем одна нога покачивалась вверх-вниз, демонстрируя туфельку без каблук от «Феррагамо». Безумно короткая юбка выставляла ее ноги на всеобщее обозрение. Грива волос свободно ниспадала на спину, а обилие косметики позволило бы затмить даже Делию. Да еще и глубокое декольте. Весь его опыт, все годы работы в полиции говорили Кармайну, что Хелен намеренно потратила не меньше трех тысяч долларов на одежду, чтобы преподать себя должным образом.

– Почему вы решили присоединиться к лейтенанту Голдбергу в Хартфорде, одевшись совершенно неподобающе? – спросил капитан, и в его голосе послышались стальные нотки.

– Я полагала, что, находясь в непосредственном окружении около семидесяти полицейских, мне не придется преследовать преступника и потому нет надобности надевать удобную обувь, а также беспокоиться о реакции населения на мою короткую юбку, – беззастенчиво ответила она, по-прежнему покачивая ногой.

– Вы были не просто помощником лейтенанта Голдберга, мисс Макинтош. В Хартфорде вы представляли детектива-стажера департамента полиции Холломена – первого представителя новой программы, за развитием которой наблюдают все остальные департаменты полиции. Как вы понимаете, я посылаю вас в Хартфорд не в качестве модели для Мэри Квант. Вместо того чтобы иметь профессиональный и максимально сдержанный вид, вы вырядились так, словно в Холломене вы не работаете с полицейскими, а дразните их. На кого вы пытались произвести впечатление? Точнее, кого вы пытались обмануть?

Щеки девушки запылали, а губы сжались в тонкую полоску.

– Они глазели на меня, как на манекен в витрине магазина. Я знала, что выбор одежды ничего не изменит, поэтому решила устроить для них захватывающее зрелище.

– И когда вы поймете, что быть полицейским – это не про вас, мисс Макинтош? Вы хоть на миг задумались, что подумают коллеги и начальство о лейтенанте Голдберге, притащившем в роли личного помощника эдакую сексуальную штучку? В обычных обстоятельствах, мисс Макинтош, для подобных действий сорокалетнего мужчины найдется только одна причина. Если бы вы были детективом в течение достаточного времени, я просто разрешил бы лейтенанту, фигурально выражаясь, выпороть вас перед всеми теми полицейскими, но вы с ним еще недостаточно знакомы. А после произошедшего уже и не познакомитесь. Я слышал, он оглядел вас и велел возвращаться обратно в Холломен, а после извинился за ваше поведение. – В янтарных глазах капитана полыхала ярость. – Надо же быть такой душой, мисс Макинтош! Я предоставил вам шикарную возможность познакомиться с лучшим детективом подразделения; вы же все испортили, идя на поводу у собственных амбиций. Неудивительно, что полиция Нью-Йорка не хочет иметь с вами ничего общего. Как быстро им удалось понять, что ваш уровень развития соответствует уровню избалованного четвероклассника? Вы легкомысленны! Непроходимо глупы!

Девушка повернулась и села прямо. Ее руки дрожали, лицо то ли от гнева, то ли от стыда представляло собой застывшую маску.

– Надо ли понимать так, что вы не поняли приводимые мной веские доводы относительно подходящей для работы одежды? Или вы одержимы некой феминистской идеей, будто я специально унижаю вас, потворствуя своему мужскому эго?

– Нет, капитан. Я поняла все с первого раза, – ответила Хелен, и ее глаза сверкнули непролитыми слезами. – Я поняла, что подходящая одежда способствует моему удобству и безопасности.

– Вы должны извиниться перед лейтенантом Голдбергом. Письменно и лично при встрече.

– Я буду там через час в должном виде.

– Нет, не будете. Лейтенант Голдберг вам не доверяет. Вы высказали свое желание, мисс Макинтош, остаться в Холломене. Вы в нем останетесь. Вместо вас в Хартфорд поедет Ник Джефферсон. Но Додо вы заниматься не будете.

Хелен побледнела.

– Сэр, пожалуйста! – едва не простонала она.

– Нет. Вопрос закрыт и обсуждению не подлежит.

– Как скажете, – ответила девушка, расправив плечи.

– Тем не менее у меня возник вопрос, который мне не пришел в голову при нашем с вами собеседовании. Что заставило вас выбрать карьеру полицейского?

– Тогда я избегала этого вопроса, сэр. – Хелен поднялась. – Меня всегда привлекали вооруженные силы, но попытать счастья в Вест-Пойнте⁸ или Аннаполисе⁹... брр! – Девушка передернулась. – Это чисто мужские заведения, а я не такая ярая феминистка, чтобы брать приступом подобные крепости. Кроме того, меня посещала нелепая мысль, что полицейские ведут довольно интересную жизнь. И мне нравится разгадывать загадки.

– Понимаю.

Он встал. Массивное телосложение этого сильного мужчины обманчиво скрадывало немалые шесть футов роста. Его лицо, обращенное к своенравному стажеру, было одновре-

⁸ Старейшая военная академия США.

⁹ Элитная военно-морская академия.

менно и широким, и заостренным; надменный нос и чувственные губы выражали непоколебимость. Широко расставленные золотисто-карие глаза смотрели бесстрашно и открыто.

«Зачем я устроила такую глупую выходку? – спросила себя Хелен, покидая кабинет капитана Дельмонико. И сама себе ответила: – По той же причине, по которой маленький ребенок тычет в спящего тигра палкой».

– Очень похоже на правду, – заметила Делия. Сегодня она была в чем-то кислотно-желтых и горчично-желтых тонов с яркими синими бантами. – Но на будущее запомни, что, тыкая в спящего тигра, можно оказаться раздавленной его мощной лапой.

– Я могу помочь тебе с Додо? – взмолилась Хелен.

– Нет, дорогая; мне-то уж точно не хочется быть раздавленной тигриной лапой. Ты прикреплена к Полу Бэчмену из отдела криминалистической экспертизы, и на долгое время. – Делия завистливо присвистнула. – Я, племянница комиссара, пробралась в детективы через заднюю дверь. Сначала перелопатила тонны бумаг, работая у него секретарем. Потом десять лет в полиции Нью-Йорка. Занималась исключительно делами, связанными с подделкой документов. Теперь посмотри на себя! Для тебя разработали шикарную программу. Нам осталось только взяться за работу и выучить тебя должным образом. И не вздумай подвести моего дядю Джона – иначе узнаешь, насколько тяжелой может быть и моя лапа!

– Служба уборки замечательно проделала свою работу, – сказал Хэнк Мюррей в пятницу, четвертого октября, выходя вместе с Амандой Уорбертон из служебного лифта. – В выходные вы уже сможете открыться.

Достав собственную связку ключей, он открыл заднюю дверь в ее магазин, одну из многих в коридоре. Войдя внутрь, мужчина принялся и улыбнулся.

– Чувствуете, мисс Уорбертон? Сладкий, немного травянистый запах; надеюсь, вы не возражаете, что я выбрал аромат за вас. И ни за что не подумаешь, будто здесь царила помойка, верно?

– Да, – ответила Аманда, едва не падая от облегчения.

– Входите, взгляните на магазин, – подбодрил Хэнк, направляя ее к сверкающему занавесу из стеклянных бусин. Вдруг он так резко остановился, что Аманда наткнулась на него.

– Боже мой!

Женщина больше не медлила. Отодвинув управляющего в сторону, она вбежала в магазин.

Почти весь товар был свален на тянувшийся вдоль стен прилавок. Он был заполнен вплоть до кассового аппарата. Стену за прилавком прежде украшали стеклянные рамки из муранского стекла и от Лалика¹⁰, которые теперь тоже оказались в общей груде. Нетронутым остался только ряд с пивными бокалами, располагавшийся повыше, да небольшая полка с массивной хрустальной посудой, служащей исключительно украшением магазина.

Заливаясь слезами, Аманда бросилась к витрине, чтобы проверить стеклянного мишку. Он был на месте. Целый и невредимый Тедди по-прежнему восседал на своей черной бархатной коробке, явно проигнорированный вандалом.

Какой добрый дух нашептал ей оставить животных сегодня дома? В глубине души она ожидала продолжения неприятностей; пыль и грязь предыдущего нападения, казалось, были только началом. И вот оно – логическое продолжение.

Позвонив в полицию и удостоверившись, что больше никакие магазины не пострадали, как и три находящихся в торговом центре банка, Хэнк внимательно изучал груду стекла, стараясь не трогать ничего руками.

¹⁰ Рене Лалик (1860–1945) – французский ювелир и стежлянных дел мастер.

– Вот странно! – воскликнул он. – Мисс Уорбертон... Аманда! Это звучит нелепо, но, насколько я могу сказать, ничего не разбилось и не треснуло – ни осколочка. Взгляните сами. Если я верну тех же самых ребят из службы уборки и они все приведут в порядок, то вы практически не понесете ущерба. Нет-нет, не плачьте, пожалуйста. – Он обнял женщину, даря утешение и сочувствие. Мисс Уорбертон была сущим ангелом, не заслуживающим такой чудовищной злобы, такой жестокости.

К моменту прибытия Айка Масотти и Мьюли Эванса Аманда уже находилась в задней комнате магазина, а Хэнк Мюррей убеждал ее выпить немного его спасительного бренди.

– Мне нужно связаться с детективом, – сказал Айк, взглянув на груды стеклянной посуды. – Можно воспользоваться вашим телефоном, мисс Уорбертон? Радиоволны сейчас могут перехватить слишком много лишних ушей.

– Пожалуйста.

– Здесь действительно происходит нечто странное, – сказал Айк по телефону. – Тебе лучше приехать и посмотреть самому, Морти. Поработали явно не детишки из старших классов.

Они прождали больше часа.

Морти Джонс не смог удержаться; прежде чем отправиться в «Басквош-молл» к этому введливому ублюдку Айку Масотти, он заскочил в бар «Шемрок», чтобы пропустить пару глотков.

К лучшему пока ничего не изменилось. Сегодня Делия Карстерс задержала его своими разговорами – она нашла для него отличную домоправительницу. Но ему не нужна домоправительница, и детям тоже – его детям! Все они хотят, чтобы Ава вернулась. Бобби и Гиджет не его дети? Взять и бросить в лицо такие слова! В этом вся Ава. И зачем он ее ударил? Ведь столько лет знал, что она ходит на сторону, почему же повел себя иначе в ту субботнюю ночь? Он вышел из себя на ее насмешливое замечание по поводу детей.

Теперь дети все время плакали. Он тоже, когда удавалось тихонько пробраться в ванную... Он прорыдал в баре «Шемрок» над бутылкой «Джемесона», а потом ему пришлось зайти в туалет и умыться, чтобы найти в себе силы отправиться в «Басквош-молл». Голова кружилась, пришлось остановиться и немного переждать, пока в мозгах чуточку не прояснится... «О, Ава, Ава! Бобби и Гиджет – мои!»

Когда Морти, шаркая ногами, вошел в магазин, патрульные обменялись многозначительными взглядами – от детектива здорово разило алкоголем, еще сильнее, чем во вторник.

Окинув беглым взглядом груды стекла, Морти направился обратно, в заднюю комнату.

– Старшекласники, – сказал он, пожав плечами, и добавил рее для патрульных: – Ребята, вы тратите мое время.

– Остается мало времени на выпивку. Верно, Морти? – спросил Мьюли, так как Айк не стал ничего говорить. Никто не смеет отпускать несправедливые замечания в адрес Айка.

– Старшекласники, – настойчиво повторил Морти.

– Нет, не они! – воскликнул выведенный из себя Айк. – Здесь слишком много злости, сержант Джонс. Что-то не сходится. Группка ребят не стала бы складывать посуду в гору, не разбив ни нпучки. Ничего не разбито – ни осколочка. Здесь пахнет вендеттой.

– Меня не волнует, чем здесь пахнет, Айк. Никакого серьезного ущерба, не за что даже привлечь к выплатам. – Морти облизнул внезапно пересохшие губы. – Я рожу.

Хлопая глазами, Аманда сидела и слушала эту перепалку словно в тумане; она почувствовала, как рра Хэнка, лежащая у нее на плече, чуть сжалась, и поняла, что равнодушные детектива разозлило управляющего. Сержант Морти Джонс ушел. Аманда слегка хлопала Хэнка по рре. Расстроенные Айк и Мьюли пошли следом за Морти, бросив на женщину взгляд, полный сожаления.

– Вы не позвоните для меня в фирму по уборке, Хэнк? – спросила Аманда. – Мне придется остаться и направлять их, ведь они не вспомнят, что где стояло, а план я порвала. – Она издала тихий возглас отчаяния. – Я и подумать не могла, что нужно будет опять рисовать этот план!

– Сначала свяжемся с вашим страховым агентом, – решил Хэнк. – Этот ленивый псевдодетектив не сделал никаких фотографий, а сделать их нужно. Если что-нибудь все-таки окажется повреждено, у вас должны быть доказательства.

Хэнк нежно сжал пальцы Аманды:

– С настоящей минуты охраной нашего торгового центра займутся профессионалы; я говорю об этом с самого открытия, но меня не слушали. Владельцам магазинов не хотелось тратить деньги. Теперь у них нет выбора. Ограбление банка и вендетта арендатору с хрупким товаром. А если вандал решит нацелиться на антикварный магазин «Кватроченто» на первом этаже? Стекло от грязи отмыть можно, но не посудный шкафчик четырнадцатого века.

– Кто мог такое сделать? – уже в который раз спрашивала Аманда. Она никак не могла привыкнуть к произошедшим.

– Даже представить не могу. – Хэнк на миг замолчал, а затем очень деликатно добавил: – Вам предстоит тяжелый и долгий день. Не стоит оставаться вечером одной. Могу я пригласить вас на ужин?

– Спасибо, с удовольствием, – с удивлением ответила Аманда.

Ужин с Хэнком Мюрреем в «Горшочке лобстеров» прошел настолько хорошо, что на следующий вечер, в субботу, она отправилась с ним в «Морскую пену».

И хотя Аманда сочла Хэнка идеальным кавалером для сорокалетней незамужней женщины, тем не менее не намеревалась пускать его в свою жизнь. Редко какой мужчина удостоивался подобной привилегии, и только единственный в жизни имел для нее значение. Он уже давно умер, а боль со временем так и не утихла, но, кроме нее, это никого больше ни касалось. В финансовом плане у нее все было благополучно – в кормильце она не нуждалась. Аманда не могла сказать почему, но у нее возникло такое чувство, что Хэнк не настолько состоятелен, насколько полагалось управляющему крупным торговым центром. Он с легкостью оплачивал счета в ресторанах, однако Аманде показалось, что Хэнк с радостью воспринял ее предпочтение классических блюд новомодным изыскам для гурманов.

Приобретение Фрэнки и Уинстона три года назад было хорошо продуманным ходом – симпатичные животные в витрине магазина привлекали всех зашедших в «Басквош-молл». Никому из других арендаторов не позволили приводить в торговый комплекс животных, а все благодаря выгодному коммерческому предложению, которое она сделала его владельцам – жутким скрягам. Свой вклад внесло и безупречное воспитание питомцев. Дома же кот и собака стали для нее отличной компанией. Правда, теперь, с появлением Хэнка, кое-что в ней изменилось. К тому же Хэнк вел себя иначе, чем большинство мужчин; он не делал ни малейших шагов к интимным отношениям. Казалось, он предпочитал держаться на дальней орбите и не приближаться, дабы не обжечься.

В воскресенье вечером Аманда заработалась допоздна, хотя Хэнку ничего об этом не сказала. Они ничего на вечер не планировали, так как он был занят подготовкой к открытию нового магазина, находящегося всего в трех секциях от ее «Стеклянного мишки Тедди». Прежде там располагался довольно мрачный магазинчик по продаже пылесосов, он не приносил доходов – в «Басквош-молл» люди приходили не за такими покупками. Сейчас помещение наполнялось самобытными товарами американских индейцев: одеяла, керамика, картины, ювелирные украшения из серебра и бирюзы. Хэнк возлагал на новый ассортимент большие

надежды, и Аманда понимала почему. Купить индейские товары по эту сторону Скалистых гор было непросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.